А. С. ПРУГАВИНЪ.

ОЧЕРКИ РЕЛИГІОЗНЫХЪ ИСКАНІЙ

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА.
1917.

А. С. ПРУГАВИНЪ.

БУНТЪ ПРОТИВЪ ПРИРОДЫ.

(О ХЛЫСТАХЪ и ХЛЫСТОВЩИНѢ).

АИ 15874

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

ИЗЪЯТ
Комис. по ч
1930

МОСКВА
1917.

БИБЛИОТЕКА
ЦЕНТРАЛЬНОГО
АНТИРЕЛИГИОЗНОГО
МУЗЕЯ

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
954

Т-ВО СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ, МОСКВА.

И сказалъ имъ Богъ: плодитесь, и размножайтесь и наполняйте землю...

Книга Бытія, гл. I, стих. 28.

Плотскаго грѣха не творите.

Холостые не женитесь, женатые живите съ женами, какъ съ сестрами.

Заповѣди Бога—Саваова хлыстовъ Даніила Филипповича.

Будьте чисты, и непорочны такъ-же, какъ чисты и непорочны ангелы на небесахъ.

Изъ проповѣди хлыстовскаго пророка.

Кто такъ устроилъ, что страсти могучи?

Кто такъ устроилъ, что воля слаба?

Анухтинъ.

Начало XX вѣка ознаменовалось у насъ въ Россіи такимъ же бурнымъ проявленіемъ идей и настроеній мистическаго характера, какимъ были отмѣчены первыя десятилѣтія прошлаго XIX столѣтія.

И теперь, какъ сто лѣтъ тому назадъ, грубый, насыщенный суевѣріемъ мистицизмъ, гнѣздящійся главнымъ образомъ въ глухихъ селахъ и деревняхъ или же въ темныхъ низахъ городского населенія, вдругъ перекинулся на соціальные верхи, захвативъ извѣстную часть вліятельной петроградской знати. При этомъ, какъ это ни странно, центральными фигурами такого броженія явились разные темные «простецы», т.-е. люди, вышедшіе со «дна» жизни, разные «старцы», «прозорливцы», «пророки», юродивые и т. д.

Въ этомъ отношеніи,—какъ впрочемъ и во многихъ другихъ,—современное мистическое движеніе, происходящее въ привилегированныхъ кругахъ Петрограда, по сравненію съ прежнимъ движеніемъ начала XIX вѣка, является несомнѣннымъ шагомъ назадъ. Правда, и тогда среди мистически настроенныхъ людей большой популярностью пользовался одинъ изъ такихъ же простецовъ, «живой богъ» скопцовъ, Кондратій Селивановъ, но не за нимъ шло тогдашнее интеллигентное общество, не онъ являлся его вдохновителемъ. Руководителями и вдохновителями мистически настроенной части общества въ то время являлись интеллигентныя, образованныя лица, съ извѣстнымъ общественнымъ положеніемъ, какъ напри-

мѣръ: баронесса Крюденеръ, Екатерина Филипповна Татаринова, ея братъ баронъ Петръ Буксгевденъ, а нѣсколько позднѣе богатый помѣщикъ Орловской и Рязанской губерній полковникъ Дубовицкій, масоны-мистики и т. д.

Чтобы найти болѣе или менѣе близкую аналогію современному религіозно-мистическому движенію, происходящему въ извѣстныхъ слояхъ Петроградскаго общества, намъ необходимо еще дальше продвинуться въ глубь исторіи и заглянуть въ XVIII вѣкъ. Въ половинѣ этого столѣтія, какъ извѣстно, «многіе князья, бояре, боярыни и другіе разныхъ чиновъ помѣщики и помѣщицы» состояли въ числѣ ревностныхъ послѣдователей мистической секты людей божіихъ или хлыстовъ. Знатнѣйшіе дома тогдашнихъ московскихъ бояръ: графа Петра Борисовича Шереметева, княгини Марьи Юрьевны Черкасской, княжны Дарьи Ѳедоровны Хованской, графини Головкиной, вдовы Маріи Михайловны Чаадаевой, Настасьи Лопухиной—были гостепріимно открыты для проповѣдниковъ и «пророковъ» этой секты*)

И вотъ только тогда въ роли подобныхъ пророковъ и проповѣдниковъ мы встрѣчаемъ разныхъ юродивыхъ, «блаженныхъ» и старцевъ—простецовъ. И эти простецы и юродивые—темные, неграмотные, нерѣдко косноязычные—помыкали знатными, гордыми боярынями, графинями и княжнами. Нѣчто подобное можно наблюдать и въ наши дни.

И сейчасъ, въ XX вѣкѣ, въ эпоху радія, телефоновъ, аэроплановъ и всякаго рода модернизма вдругъ всплываютъ какія-то странныя явленія атавизма, говорящія о далекомъ и забытомъ прошломъ,—явленія невольно переносящія вашу мысль къ тому, что происходило у насъ

---

*) Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ мы приводили въ своей книгѣ: «Расколъ вверху. Очерки религіовныхъ исканій въ привилегированной средѣ». С.-Пб , 1909 г., изданіе Т-ва «Общественная Польза».

цѣлыя полтораста лѣтъ тому назадъ. Снова атмосфера аристократическихъ салоновъ пропитывается затхлымъ, удушливымъ воздухомъ, который обыкновенно окружаетъ хлыстовскихъ «живыхъ боговъ», «живыхъ Христовъ». Снова творится что-то непонятное, непостижимое; происходитъ какой-то психозъ. Точно и въ самомъ дѣлѣ «навожденіе» охватило людей, помутило ихъ разумъ, парализовало волю.

Начало этого движенія относится къ первымъ годамъ текущаго XX вѣка или даже къ концу 90-хъ годовъ. Несомнѣнно, что за послѣднія 15 лѣтъ это движеніе сдѣлало замѣтные успѣхи. Мутныя волны темнаго, нездороваго мистицизма, поднимаясь все выше и выше, захватили уже цѣлый рядъ отдѣльныхъ представителей и особенно представительницъ русской родовитой аристократіи, даже цѣлыя ихъ семейства, чуть не въ полномъ составѣ.

Появляющіяся въ печати свѣдѣнія объ этомъ движеніи носятъ крайне отрывочный и случайный характеръ и не даютъ возможности составить о немъ сколько-нибудь цѣльнаго представленія. Тѣмъ не менѣе въ обществѣ при разговорахъ на эту тему все чаще и чаще слышится страшное, вызывающее сенсацію, слово—«хлыстовщина». Такого же взгляда на это броженіе придерживается, повидимому, и наше духовенство, насколько можно судить по выступленіямъ отдѣльныхъ его представителей. Въ виду этого нельзя не выразить удивленія по поводу того, что спеціальные миссіонерскіе органы печати почему-то упорно и систематически замалчиваютъ это движеніе.

Пишущему эти строки удалось собрать не мало матеріаловъ, рисующихъ это движеніе, проливающихъ свѣтъ на его истинный характеръ, знакомящихъ съ условіями его зарожденія и постепеннаго развитія, а также съ личнымъ составомъ его участниковъ и участницъ. Если обстоятельства позволятъ, эти матеріалы будутъ использованы нами въ одной изъ слѣдующихъ работъ.

Обезпокоенное развитіемъ мистическаго движенія какъ въ обществѣ, такъ и въ народѣ, духовенство не замедлило

ударить въ набатъ и забить тревогу по этому поводу. Одно время хлысты буквально не давали покоя православнымъ миссіонерамъ, духовенству, Св. Синоду. Послѣдователи цѣлаго ряда мистическихъ сектъ, возникшихъ въ послѣднее время, были объявлены Синодомъ «хлыстами».

Нѣкоторымъ іерархамъ «хлысты» мерещились даже среди писателей, журналистовъ, поэтовъ. Епископъ Гермогенъ, какъ извѣстно, требовалъ отлученія отъ церкви болѣе ста (по другимъ свѣдѣніямъ около 150) русскихъ писателей самыхъ различныхъ направленій, лагерей и темпераментовъ,—писателей, которыхъ онъ съ необыкновенной горячностью обвинялъ въ «неохлыстовствѣ».

Но въ то время, когда духовенство усердно, хотя и тщетно, старалось отыскать «неохлыстовство» среди писателей, журналистовъ и поэтовъ,—это самое «неохлыстовство» вдругъ весьма громко и властно заявило о своемъ существованіи въ самыхъ фешенебельныхъ сферахъ петроградскаго общества. И какъ только это случилось, обличительные и негодующіе голоса духовенства тотчасъ же смолкли,—за крайне рѣдкими, единичными исключеніями; а тогдашній шефъ миссіонеровъ, «тайный совѣтникъ» В. М. Скворцовъ началъ писать въ своемъ «Колоколѣ» восторженные панегирики необыкновенной государственной мудрости того «простеца», котораго всеобщая молва называла главнымъ вдохновителемъ «неохлыстовства», свившаго себѣ гнѣздо въ извѣстныхъ слояхъ Петрограда.

Въ обществѣ таинственная, загадочная секта хлыстовъ или «людей божіихъ» давно уже вызываетъ къ себѣ усиленный интересъ. По временамъ, подъ вліяніемъ событій, въ родѣ недавней, такъ много нашумѣвшей исторіи «простеца-прозорливца», этотъ интересъ особенно возрастаетъ и обостряется. Необходимо однако признать, что религіозное теченіе, извѣстное подъ именемъ хлыстовщины, до сихъ поръ не обслѣдовано должнымъ образомъ; особенно мало выяснена психологія «людей божіихъ» или хлыстовъ, тѣ внутренніе стимулы, которыми главнымъ образомъ

руководствуются эти люди въ своихъ религіозныхъ исканіяхъ,—которые сказываются въ ихъ мистическихъ интуиціяхъ и переживаніяхъ.

Въ виду этого, мы полагаемъ, могутъ представить извѣстный интересъ тѣ наблюденія и впечатлѣнія, которыя были вынесены нами изъ знакомства съ представителями современнаго хлыстовства.

Лично намъ пришлось наблюдать хлыстовщину какъ въ глухой провинціи—въ среднемъ Поволжьѣ—такъ и въ такомъ крупномъ и шумномъ центрѣ, какъ Петроградъ, гдѣ она гнѣздится главнымъ образомъ въ низахъ городского населенія, среди ремесленниковъ, мастеровыхъ, торговцевъ и проч. И только въ послѣдніе годы отдѣльныя идеи хлыстовскаго credo, въ родѣ идеи «обожествленія людей» начинаютъ проникать въ среду мистиковъ привилегированныхъ классовъ, и тамъ находятъ себѣ горячихъ послѣдователей и особенно послѣдовательницъ.

По пути намъ придется знакомить читателей съ тѣми взглядами на хлыстовщину, которые проводились въ литературѣ вопроса разными писателями и изслѣдователями и вступать въ полемику съ тѣми изъ нихъ, которые, изображая жизнь и идеологію послѣдователей этого теченія, по нашему мнѣнію, особенно сильно погрѣшаютъ противъ истины, противъ дѣйствительности.

Если все это хотя нѣсколько поможетъ читателю разобраться въ сложномъ и крайне запутанномъ и затемненномъ вопросѣ о хлыстахъ и хлыстовщинѣ, то цѣль автора этихъ очерковъ будетъ достигнута.

I.

РУССКІЕ МОРМОНЫ.

Читатели, быть можетъ, не мало изумятся при видѣ этого заголовка. Какъ, неужели эта чисто американская секта завелась и у насъ въ Россіи? Неужели «святые послѣднихъ дней», какъ обыкновенно называютъ себя мормоны, появились и въ Россіи? Этого только недоставало!

Спѣшу успокоить читателей. Секты мормоновъ, основнымъ догматомъ которой, какъ извѣстно, является полигамія, въ Россіи нѣтъ и никогда не было. Если же въ послѣднее время въ разныхъ офиціальныхъ отчетахъ «секта мормоновъ» дѣйствительно фигурируетъ, то это объясняется тѣмъ, что наше духовенство окрестило «мормонами» послѣдователей извѣстной, весьма распространенной въ Россіи секты «людей божіихъ» или попросту «хлыстовъ».

Кличка эта впервые пущена была самарскимъ епархіальнымъ начальствомъ, которое вообще издавна отличается по этой части большой изобрѣтательностью. Такъ, еще въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія оно открыло въ Самарской губерніи особую секту «монтанъ», о которой до тѣхъ поръ никто ничего не слыхалъ. Но когда губернская администрація забила тревогу въ виду появленія новой вредной секты, то изъ переписки, возникшей по этому поводу, выяснилось, что никакой новой секты не возникало и что «монтанами» духовенство вздумало называть послѣдователей все той же секты хлыстовъ.

— Почему, откуда такое названіе?—съ недоумѣніемъ запрашивала администрація.

Духовенство отвѣчало:—По причинѣ сходства этой

секты съ древнимъ заблужденіемъ, получившимъ свое начало отъ ересе-начальника Монтана, жившаго во второмъ вѣкѣ по Р. Х. Засимъ слѣдовало сопоставленіе, которое должно было доказать полное сходство, чуть ли не тождество между собой этихъ ученій.

Однако, кличка «монтанъ» продержалась недолго: къ началу 90-хъ годовъ она исчезаетъ, и самарскія епархіальныя власти начинаютъ уже называть хлыстовъ «мормонами». Этимъ духовенство опять таки желало, конечно, подчеркнуть сходство самарскихъ хлыстовъ съ американскими мормонами, главной бытовой основой жизни которыхъ является многоженство.

— Почему вы «людей божіихъ» называете мормонами?— спросилъ я однажды знакомаго священника-миссіонера.

Негодованіемъ загорѣлись глаза батюшки.

— Какіе они «люди божіи»?.. Они люди дьявола!— заговорилъ онъ возбужденно.—Дѣти сатаны, чорта лысаго... прости меня, Господи.

О. миссіонеръ быстрымъ, привычнымъ жестомъ перекрестилъ свою грудь, но гнѣвъ его отъ этого не смягчился.

Мнѣ не хотѣлось спорить, хотя я и могъ бы указать, что названіе «людей божіихъ» давно упрочено за хлыстами даже духовной литературой. Тѣмъ не менѣе, однако, я высказалъ, что называть оффиціально «мормонами» людей, которые ничего общаго съ этой сектой не имѣютъ, значитъ вводить публику въ заблужденіе.

— Развѣ самарскіе хлысты проповѣдуютъ многоженство? Вы прекрасно знаете, что ничего подобнаго нѣтъ.

— Какъ это нѣтъ?—вызывающе спрашивалъ о. миссіонеръ.—Да ваши хлысты во сто разъ хуже всякаго мормона, хуже всякаго татарина...

Я понялъ, что дальнѣйшій споръ безполезенъ.

Во всякомъ случаѣ я могу удостовѣрить самымъ положительнымъ образомъ, что никакого многоженства у самарскихъ хлыстовъ или «мормоновъ» нѣтъ да и быть не можетъ, такъ какъ они въ принципѣ отрицаютъ женитьбу,

бракъ и половыя отношенія. Между тѣмъ пущенная духовенствомъ по адресу самарскихъ хлыстовъ кличка «мормоны» сдѣлала свое дѣло. Очень многіе принимаютъ эту кличку въ серьезъ и увѣрены въ томъ, что самарскіе хлысты, дѣйствительно, признаютъ многоженство, и что полигамія является обычной формой ихъ семейной жизни, какъ у американскихъ мормоновъ. И подобные взгляды высказываются даже въ печати, какъ нѣчто вполнѣ безспорное. Вотъ, молъ, до чего дошли, наконецъ, самарскіе хлысты — до многоженства.

Вообще слѣдуетъ замѣтить, что ни одна изъ русскихъ сектъ не имѣетъ такого множества названій, какъ хлыстовская. Въ Самарской губерніи, какъ мы уже видѣли, послѣдователи хлыстовщины называются «мормонами», изрѣдка по старой памяти «монтанами».

Въ Тамбовской губерніи—«богомолами».

На Сѣверномъ Кавказѣ—«шалапутами».

Въ Оренбургской губерніи—«квасниками».

Нерѣдко въ одной и той же губерніи хлысты извѣстны подъ совершенно различными названіями. Такъ, въ Балашовскомъ уѣздѣ, Саратовской губерніи, ихъ называютъ «постниками», а въ Аткарскомъ уѣздѣ они извѣстны подъ именемъ «голубчиковъ».

Въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, на Кавказѣ, хлыстовъ стали называть «Старымъ Израилемъ», въ отличіе отъ выдѣлившихся изъ хлыстовщины послѣдователей В. С. Лубкова, извѣстныхъ подъ именемъ «Новаго Израиля».

Лично мнѣ впервые пришлось познакомиться съ самарскими хлыстами или «мормонами» въ концѣ 90-хъ годовъ, во время моего пребыванія въ Самарѣ, въ которой я прожилъ тогда нѣсколько лѣтъ подъ рядъ.

Это было глухое, тяжелое время, когда желѣзная рука Побѣдоносцева сдавила всѣ проявленія религіозной жизни страны, всѣ проблески свободной мысли въ области религіи и этики. Особенно тяжело жилось нашимъ религіоз-

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ

нымъ отщепенцамъ, всѣмъ тѣмъ, кто въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ порвалъ съ господствующей церковью, предпочитая въ дѣлѣ спасенія души итти своей особой дорогой, не считаясь съ требованіями и указаніями господъ Саблеровъ и Скворцовыхъ. Жестокія репрессіи сыпались на старообрядцевъ и сектантовъ, какъ раціоналистовъ, такъ и мистиковъ.

Послѣдніе—мистики,—въ родѣ «хлыстовъ», скопцовъ, прыгуновъ и т. д., всегда отличались скрытностью, осторожностью, подозрительностью. Вслѣдствіе этого проникнуть въ ихъ среду постороннему наблюдателю или изслѣдователю обыкновенно было довольно трудно. Но лично я въ этомъ отношеніи поставленъ былъ въ болѣе благопріятныя условія, такъ какъ въ числѣ моихъ самарскихъ знакомыхъ оказались люди, стоявшіе очень близко къ мормонамъ и хлыстамъ и пользовавшіеся ихъ довѣріемъ.

Изъ этихъ лицъ особенно много способствовали моему сближенію съ мормонами двое: бывшій народный учитель Хрущовъ*), который былъ очень близокъ съ видными хлыстовскими пророками и пророчицами и который принималъ непосредственное участіе въ хлыстовскихъ собраніяхъ и радѣніяхъ, — и богатый крестьянинъ, землевладѣлецъ Бузулукскаго уѣзда П. Л. К., находившійся въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ самарскими мормонами и горячо сочувствовавшій имъ. Благодаря содѣйствію этихъ лицъ, мнѣ вскорѣ удалось познакомиться со многими изъ «мормоновъ», жившихъ какъ въ самой Самарѣ, такъ и въ уѣздахъ...

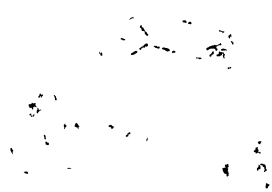
Но я чувствую, что говорить о хлыстахъ рѣшительно невозможно, не коснувшись сначала тѣхъ ходячихъ представленій, которыя издавна составились о нихъ въ нашей публикѣ и въ нашей литературѣ и которыя какъ нельзя болѣе укоренились въ общественномъ сознаніи. Поэтому позвольте сдѣлать маленькое отступленіе.

---

*) Фамилія измѣнена.

II.

ХЛЫСТЫ ВЪ ИЗОБРАЖЕНІИ Д. С. МЕРЕЖКОВСКАГО.



...«Вдругъ свѣчи стали гаснуть одна за другой, какъ будто потушенныя вихремъ пляски. Погасли всѣ, наступила тьма и... послышались шопоты, шорохи, шелесты, поцѣлуи и вздохи любви. Тѣла съ тѣлами сплетались, какъ будто во тьмѣ шевелилось одно исполинское тѣло со многими членами. Чьи-то жадныя, цѣпкія руки протянулись къ Тихону, схватили, повалили его...»

— Что же это такое?—съ недоумѣніемъ подумаетъ читатель, прочтя приведенный абзацъ.—Оргія какой-нибудь «лиги любви», о которыхъ такъ много говорилось и писалось у насъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ самый разгаръ порнографіи? Аѳинскій вечеръ, вакханалія какихъ-нибудь пресловутыхъ «огарковъ» или «санинцевъ», единственнымъ принципомъ которыхъ является лозунгъ: «лови моментъ»?... Совсѣмъ нѣтъ! Ничуть не бывало. Это описаніе финала собранія людей религіозно настроенныхъ, людей, которые сошлись вмѣстѣ, чтобы сообща помолиться, попѣть духовные стихи и «распѣвцы», порадѣть Богу.

Но послушаемъ дальше, послушаемъ о дальнѣйшихъ переживаніяхъ, какія пришлось испытать злополучному герою этого повѣствованія, религіозному искателю, Тихону, попавшему на это собраніе.

— «Тишенька, Тишенька, миленькій женишокъ мой, Христосикъ возлюбленный!—услышалъ онъ страстный шопотъ и узналъ матушку, царицу небесную».

«Ему казалось, что какія-то огромныя насѣкомыя,

пауки и паучихи, свившись клубомъ, пожираютъ другъ друга въ чудовищной плоти (похоти?).

«Онъ оттолкнулъ матушку, вскочилъ, хотѣлъ бѣжать. Но съ каждымъ шагомъ наступалъ на голыя (?) тѣла, давилъ ихъ, скользилъ, спотыкался, падалъ, опять вскакивалъ. А жадныя цѣпкія руки хватали, ловили, ласкали безстыдными ласками. И онъ слабѣлъ и чувствовалъ, что сейчасъ ослабѣетъ совсѣмъ, упадетъ въ это страшное общее тѣло, какъ въ теплую темную тину—и вдругъ перевернется все, верхнее сдѣлается нижнимъ, нижнее верхнимъ—и въ послѣднемъ ужасѣ будетъ послѣдній восторгъ».

Такъ ярко и смачно описываетъ Д. С. Мережковскій въ своемъ романѣ «Петръ» «свальный грѣхъ» людей божіихъ, извѣстныхъ въ публикѣ подъ именемъ хлыстовъ.

Обвиненія хлыстовъ въ развратѣ, какъ извѣстно, раздаются съ давнихъ поръ, особенно со стороны духовныхъ писателей и миссіонеровъ. Съ необыкновеннымъ упорствомъ поддерживаются и распространяются сказки и легенды о «свальномъ грѣхѣ», который якобы является особымъ религіознымъ обрядомъ хлыстовъ,—обрядомъ, которымъ будто бы заканчиваются ихъ молитвенныя собранія.

Нечего, конечно, удивляться тому, что находится масса людей, которые съ полнымъ довѣріемъ принимаютъ всѣ эти клеветническія сказки и басни о массовомъ развратѣ, якобы царящемъ среди хлыстовъ, объ ихъ «свальномъ грѣхѣ» и т. д. Наше общество слишкомъ мало знакомо съ религіозной жизнью народа вообще и съ сектантствомъ въ частности, чтобы отнестись критически къ такого рода обвиненіямъ. Къ тому же клевета, о которой мы только что упомянули, черезчуръ настойчиво распространялась заинтересованной стороной въ теченіе цѣлыхъ столѣтій.

Но нельзя не подивиться тому непростительному легковѣрію, съ какимъ отнесся къ этой грубой клеветѣ Д. С. Мережковскій, писатель, казалось бы, достаточно чут-

кій, а главное,—что въ данномъ случаѣ имѣетъ особенно важное значеніе,—религіозно-настроенный, относящійся, повидимому, съ большимъ вниманіемъ и симпатіей къ религіознымъ исканіямъ. Но въ данномъ случаѣ г. Мережковскій принялъ за чистую монету всѣ эти темные слухи, всѣ эти бездоказательныя, голословныя обвиненія. И вотъ онъ спѣшитъ разрисовать «хлыстовъ» въ видѣ какихъ-то похотливыхъ, необузданно развратныхъ маніаковъ, которые устраиваютъ молитвенныя собранія для того, чтобы предаваться чудовищнымъ оргіямъ, какихъ, пожалуй, не бывало даже у язычниковъ. Талантливый беллетристъ спѣшитъ преподнести своимъ читателямъ эффектно скомпанованную, кричащую, сногсшибательную картину «свальнаго грѣха».

Хлыстовскую богородицу «матушку, царицу небесную» г. Мережковскій рисуетъ въ видѣ сорокалѣтней красавицы, въ платьѣ съ разрѣзомъ, очевидно въ родѣ того, какой имѣется у опереточныхъ актрисъ, исполняющихъ роль Прекрасной Елены, но только у матушки этотъ разрѣзъ былъ, повидимому, гораздо болѣе »откровеннымъ». Пользуясь этимъ обстоятельствомъ матушка въ каждый данный моментъ могла обнажить свое тѣло—«прекрасное, юное, какъ у 17-лѣтней дѣвушки, золотисто-смуглое, точно изъ слоновой кости точеное тѣло»,—свидѣтельствуетъ г. Мережковскій.

Не будемъ съ нимъ спорить на этотъ разъ, хотя у читателя какъ-то совершенно невольно зарождается сомнѣніе относительно того, какъ это у особы бальзаковскаго возраста, ведущей притомъ—судя по сообщаемымъ г. Мережковскимъ фактамъ—весьма-таки распутный образъ жизни, могло сохраниться тѣло «какъ у 17-лѣтней дѣвушки». Повѣримъ автору на слово и послушаемъ, что онъ разсказываетъ далѣе.

Конечно, декольтированную «матушку» сажаютъ на почетное мѣсто, а всѣ участники собранія подходятъ и цѣлуютъ ее въ разныя части ея «прекраснаго юнаго тѣла».

Подведенъ былъ и Тихонъ, который, повидимому, оказался не мало смущеннымъ всей этой сценой, особенно въ виду того, что «матушка» при его приближеніи, не замедлила обнажить передъ нимъ свое «золотисто-смуглое тѣло». Тихонъ стоялъ въ нерѣшительности передъ «царицей небесной», но ему тотчасъ же подсказали, что онъ долженъ былъ сдѣлать.

— «Цѣлуй во чрево пресвятое, да въ сосцы пречистые»!

За этой нелѣпой, совершенно неправдоподобной сценой слѣдуютъ бѣшеныя радѣнія,—«крутящійся бѣлый смерчъ пляски», а потомъ разыгрывается финалъ—общій «свальный грѣхъ» всего собранія, въ полномъ составѣ, при чемъ «матушка» преслѣдуетъ Тихона, котораго—замѣтьте!—она видитъ въ первый разъ, своими «безстыдными ласками».

Въ роли хлыстовскаго пророка и «царя небеснаго» г. Мережковскій выводитъ Аверьяна Безпалова, который, какъ и матушка, «царица небесная», рѣшительно ничѣмъ, кромѣ крайней половой распущенности, не выдѣляется изъ среды «людей божіихъ».

Повидимому, г. Мережковскому совершенно неизвѣстно, что для того, чтобы стать вождемъ хлыстовъ, ихъ пророкомъ, Христомъ или богородицей, для этого прежде всего необходимо выдѣлиться изъ массы обыкновенныхъ, среднихъ людей, для этого необходимо обладать какими-нибудь особенными выдающимися способностями и талантами непремѣнно духовнаго, интеллектуальнаго характера. Г. Мережковскій жестоко ошибается, полагая, что для хлыстовской «царицы небесной» достаточно только имѣть «золотисто-смуглое, точно изъ слоновой кости точеное тѣло».

Со стороны поклонника «святой плоти» подобное мнѣніе является, быть можетъ, вполнѣ естественнымъ и понятнымъ. Но г. Мережковскій упустилъ изъ виду, что хлысты стоятъ какъ разъ на діаметрально противоположной точкѣ зрѣнія. Они признаютъ плоть грѣховной, они

убѣждены въ необходимости умерщвленія плоти, чтобы не поддаться игу низменныхъ страстей, чтобы не очутиться во власти тѣла, что́ по ихъ убѣжденію, неизбѣжно влечетъ къ нравственнымъ паденіямъ, къ «нечистотѣ».

Отсюда ихъ постоянная, упорная и страстная борьба съ плотью, доходящая нерѣдко до прямого бунта противъ природы, противъ ея вѣчныхъ и непреложныхъ законовъ и требованій.

Не замѣчая и игнорируя главные, доминирующіе мотивы религіозныхъ исканій и мистическихъ устремленій «людей божіихъ», Д. С. Мережковскій все свое вниманіе сосредоточиваетъ на подчеркиваніи эротическаго характера хлыстовскихъ собраній и на описаніи такъ называемаго «свальнаго грѣха», якобы практикуемаго на этихъ собраніяхъ. При этомъ, какъ мы видѣли, онъ не жалѣетъ красокъ, сгущая ихъ до крайней степени.

Судя по роману «Петръ», г. Мережковскій не усмотрѣлъ въ хлыстахъ ничего, кромѣ повальнаго разврата, кромѣ свальнаго грѣха, кромѣ дикихъ, грязныхъ, отвратительныхъ оргій. Ни хлыстовская мистика, ни хлыстовская теологія даже слегка не затрагиваются въ его романѣ.

Конечно, г. Мережковскій можетъ сказать, что не онъ первый, не онъ послѣдній рисуетъ хлыстовъ развратниками и эротоманами. Первый примѣръ этому въ нашей беллетристикѣ былъ поданъ покойнымъ Мельниковымъ -Печерскимъ, который въ своемъ романѣ «На горахъ» съ чисто лубочной грубостью изобразилъ жизнь и бытъ хлыстовъ и притомъ исключительно съ одной внѣшней стороны, совершенно не проникая въ психологію этихъ сектантовъ, не разбираясь въ тѣхъ стремленіяхъ и стимулахъ, которые лежатъ въ основѣ ихъ религіозныхъ интуицій и переживаній.

Впрочемъ, справедливость требуетъ признать, что по части психологіи и Д. С. Мережковскій не далеко ушелъ отъ Мельникова-Печерскаго, и вы напрасно бы стали искать въ его описаніяхъ хлыстовскихъ радѣній какого-

нибудь анализа, какого-нибудь освѣщенія тѣхъ сложныхъ психическихъ переживаній, черезъ которыя, несомнѣнно, проходятъ эти сектанты.

Страстные мистическіе порывы «хлыстовъ», ихъ глубокій религіозный паѳосъ, ихъ неустанныя, горячія стремленія къ чистотѣ,—какъ нравственной, духовной, такъ и физической, тѣлесной—все это даже не затрагивается г. Мережковскимъ, хотя именно эти черты и составляютъ главную основу духовнаго облика людей, извѣстныхъ подъ именемъ «хлыстовъ» или людей божіихъ.

Сравнивая описанія жизни хлыстовъ, ихъ характеристики въ романахъ «На горахъ» и «Петръ», мы должны признать, что г. Мережковскій идетъ неизмѣримо дальше Мельникова-Печерскаго въ стремленіи представить хлыстовъ людьми, которые прикрываютъ мистикой свое распутство, свои низменные порывы и инстинкты. Мы должны признать, что въ описаніи хлыстовскихъ радѣній Мельниковъ-Печерскій обнаруживаетъ гораздо больше осторожности и сдержанности, чѣмъ г. Мережковскій. Между прочимъ. онъ совсѣмъ воздерживается отъ описаній «свальнаго грѣха», очевидно, не довѣряя поповскимъ сказкамъ и сплетнямъ, распускаемымъ по этому поводу. Благодаря всему этому Печерскій стоитъ гораздо ближе къ дѣйствительности, чѣмъ авторъ романа «Петръ». Неизмѣримо ближе.

Въ этомъ очень легко убѣдиться. Сравните, напримѣръ, то описаніе хлыстовскаго радѣнія, какое даетъ Мельниковъ-Печерскій, съ приведеннымъ выше описаніемъ г. Мережковскаго.

«Хлысты начали радѣть. Въ богадѣльнѣ шумнѣй и шумнѣй. Изступленные до самозабвенія кричатъ въ источный голосъ, распѣваютъ пѣсню за пѣсней, голосятъ каждый свое. Вдругъ неистово прыгавшая Сандулія схватила съ полки обѣщанную юродивой барышнѣ скалку и стала изо всей мочи колотить себя по обнаженнымъ плечамъ. Откуда-то появились толстыя веревки, плети, варовенныя

возжи, палки и свѣжіе, только что нарѣзанные, батоги. Скача и бѣгая вприпрыжку по богадѣльнѣ, хлысты съ ожесточеніемъ и дикою злобой немилосердно били самихъ себя, припѣвая:

Плоти не жалѣйте,
Марѳу не щадите!

«Струится кровь по плечамъ. Кровенятъ на себѣ бѣлыя радѣльныя рубахи. Иные головой о стѣну колотятся, либо о печь, другіе горящей лучиной палятъ себѣ тѣло, иные до крови грызутъ себѣ руки и ноги, вырываютъ бороды и волосы. Умерщвленіе плоти!..»*)

Какъ этнографъ, близко знакомый съ русской народной жизнью, какъ знатокъ сектантства, Мельниковъ-Печерскій не могъ, конечно, разрисовать хлыстовскія собранія, подобно г-ну Мережковскому, какъ какія-то дикія оргіи изступленныхъ сладострастниковъ. Онъ прекрасно понималъ, что въ основѣ хлыстовской идеалогіи прежде всего лежатъ стремленія аскетическаго характера, стремленія, направленныя къ борьбѣ съ плотью и страстями. Поэтому его описаніе хлыстовскаго радѣнія не имѣетъ ничего общаго съ той фантасмагоріей, какую напустилъ г. Мережковскій въ своемъ романѣ.

Что хлысты чрезвычайно религіозны и набожны, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Полагаю, что и г. Мережковскій не будетъ въ состояніи оспаривать этотъ фактъ. Спрашивается, какъ же возможно допустить, чтобы религіозно-настроенные люди, собравшись вмѣстѣ для того, чтобы «порадѣть Богу», чтобы пережить общеніе съ Духомъ Святымъ—вдругъ, точно по командѣ, обратились въ звѣрей? И притомъ не отдѣльныя лица, болѣе слабыя, болѣе чувственныя и несдержанныя, а всѣ какъ есть, въ полномъ составѣ всего собранія, слѣдовательно, и молодые, и старые, и чистые, и невинные?

---

*) «На горахъ», разсказано Андреемъ Печерскимъ. Часть третья. С.-Пб., 1881 г., стр. 262.

Согласитесь, что это психологически невозможно, что это прямо немыслимо.

Правда, давно уже подмѣчена, хотя и до сихъ поръ еще научно не вполнѣ выяснена нѣкоторая связь между сильно развитымъ религіознымъ экстазомъ и половымъ возбужденіемъ. Въ спеціальной литературѣ не разъ приводились случаи, когда молитвенный подвигъ ассоціировался съ возбужденіемъ полового инстинкта. Эти случаи, какъ извѣстно, давали поводъ нѣкоторымъ писателямъ до крайности преувеличивать значеніе связи, существующей между религіознымъ экстазомъ и половыми эмоціями. Но эти преувеличенія всегда встрѣчали сильный отпоръ со стороны наиболѣе чуткихъ, наиболѣе безпристрастныхъ изслѣдователей вопроса. Между прочимъ, и Джемсъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ «Многообразіе религіознаго опыта» остроумно и вѣско возражаетъ противъ подобныхъ тенденцій указанной теоріи. Но подозрѣвать въ Д. С. Мережковскомъ сторонника этой теоріи, разумѣется, невозможно, такъ какъ для человѣка, признающаго религію великимъ и благодѣтельнымъ факторомъ въ жизни людей, подобная точка зрѣнія, конечно, совершенно недопустима.

Но г. Мережковскому показалось мало изобразить хлыстовъ людьми безнравственными и предающимися грубому половому разврату,—онъ пошелъ гораздо дальше и выставилъ ихъ изувѣрами, убійцами и даже людоѣдами. Хлысты г. Мережковскаго совершаютъ ритуальныя убійства, зарѣзываютъ живыхъ дѣтей съ такой же легкостью, съ какой поваръ зарѣзываетъ цыплятъ. И все это продѣлывается только для того, чтобы «кровью живой причаститься».

Нелѣпость подобнаго обвиненія настолько очевидна, что опровергать его значитъ ломиться въ открытую дверь. Но совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ обвиненіемъ въ «свальномъ грѣхѣ». Это обвиненіе до сихъ поръ тяготѣетъ надъ хлыстами, до сихъ поръ предъявляется къ нимъ не только

въ судахъ, но и на страницахъ органовъ печати, не исключая даже наиболѣе серьезныхъ и прогрессивныхъ.

И г. Мережковскій своимъ романомъ какъ нельзя болѣе освѣжилъ и подкрѣпилъ эту вѣковую клевету, эту грубую ложь, это ни на чемъ не основанное обвиненіе...

Какъ и слѣдовало ожидать, примѣръ, поданный г. Мережковскимъ, не остался безъ подражателей. Съ одной стороны, его эффектная характеристика хлыстовъ, какъ страстныхъ поклонниковъ плоти, а съ другой—нарисованная имъ въ такихъ смачныхъ тонахъ картина чудовищной религіозной (!) вакханаліи, не могли не заинтересовать любителей всего пикантнаго, пряного, остраго, особенно изъ числа модернистовъ, эстетовъ, поклонниковъ Вакха-Діониса, садистовъ, санинцевъ и другихъ господъ, что «нарушаютъ всѣ законы, преступаютъ всѣ черты».

И дѣйствительно, многіе изъ этихъ господъ, вслѣдъ за г. Мережковскимъ, устремились по его стопамъ, очевидно всецѣло положившись на его высокій авторитетъ въ области религіи, сектантства и... эротоманіи. Я назову здѣсь только двухъ авторовъ, особенно много напумѣвшихъ своими произведеніями на эту тему. Во-первыхъ, извѣстный любитель разныхъ «безумныхъ уклоновъ» и всевозможныхъ вычурныхъ «зигзаговъ и изломовъ», г. Андрей Бѣлый съ его «Серебрянымъ голубемъ», а во-вторыхъ, молодой, начинающій «писатель изъ народа» Пименъ Карповъ съ его «Пламенемъ».

Послѣднему, впрочемъ, сильно не посчастливилось. Его «Пламень» привелъ прямо въ ужасъ и содраганіе даже самыхъ мягкотѣлыхъ и снисходительныхъ критиковъ. Со всѣхъ сторонъ, точно по командѣ, послышались негодующіе возгласы:—«Это явный бредъ!»—«Это дикій сумбуръ!»—«Это грязный и гнусный пасквиль на народъ и на его религіозныя исканія!» и т. д. все въ томъ же родѣ. Зато повѣсть г. Андрея Бѣлаго «Серебряный голубь» встрѣтила въ нѣкоторыхъ кругахъ весьма сочувственный пріемъ.

Въ порывѣ дружескаго чувства Александръ Блокъ даже объявилъ ее «геніальной»... Давно извѣстно, что бумага все терпитъ.

Однако критики, не связанные дружескими узами съ авторомъ, отнеслись болѣе спокойно и безпристрастно къ его произведенію и по достоинству оцѣнили «Серебрянаго голубя». Такъ, напримѣръ, г. Амфитеатровъ въ подробной и обстоятельной рецензіи*) остроумно и наглядно показалъ, что эта повѣсть въ сущности не что иное, какъ «сектантская небылица въ лицахъ», что она больше всего смахиваетъ на попытку талантливаго писателя «сочинить отъ себя новый хлыстовскій толкъ», не больше. Вмѣстѣ съ тѣмъ рецензентъ вполнѣ резонно отмѣтилъ, что г. Андрей Бѣлый изображаетъ въ своей повѣсти мистиковъ-сектантовъ,—строгихъ трезвенниковъ и аскетовъ, какими-то «мертво-пьянствующими чувственниками»; что онъ рисуетъ своихъ «голубей» какими-то «тугами» индійскими, для которыхъ убить человѣка, «спровадить его на тотъ свѣтъ» ровно ничего не стоитъ,—все равно, «какъ стаканъ воды выпить» (стр. 344) и проч. и проч....

Мы полагаемъ, что не будь выступленія г. Мережковскаго въ его романѣ «Петръ» на тему о хлыстахъ,—ни Андрей Бѣлый, ни Пименъ Карповъ никогда не рѣшились бы трактовать нашихъ мистиковъ-сектантовъ въ томъ духѣ, въ какомъ они трактуютъ ихъ въ своихъ повѣстяхъ: «Серебряный Голубь» и «Пламень». Не имѣй передъ собой поучительнаго примѣра г. Мережковскаго, эти молодые, талантливые писатели, конечно, совсѣмъ по иному подошли бы къ данному явленію, поглубже и повнимательнѣе отнеслись бы къ запросамъ и проявленіямъ духовной жизни народной массы и потому не договорились бы,—что называется,—«до чортиковъ».

---

*) «Современникъ», 1911 г., № 1.

III.

«ПРОТИВОНРАВСТВЕННЫЯ И ГНУСНЫЯ ДѢЙСТВІЯ».

Первое впечатлѣніе, вынесенное мною отъ встрѣчи съ «мормонами», совершенно не соотвѣтствовало тому представленію, какое ранѣе сложилось у меня о нихъ.

По всему, что мнѣ приходилось читать о хлыстахъ, по всему тому, что приходилось слышать о послѣдователяхъ этой секты отъ миссіонеровъ, священниковъ, представителей судебнаго вѣдомства и т. д.—я предполагалъ встрѣтить худыхъ, изможденныхъ людей, съ разбитыми, издерганными нервами, съ воспаленнымъ взглядомъ, съ расшатанной походкой. Впрочемъ, я долженъ сознаться, что такому представленію не мало содѣйствовали также мои прежнія наблюденія и впечатлѣнія, вынесенныя отъ личнаго знакомства съ послѣдователями одной крайне мистической секты, въ которой особенно злоупотребляли «радѣніями».

Еще въ 80-хъ годахъ мнѣ приходилось встрѣчать типичныхъ представителей секты «прыгуновъ», распространенной главнымъ образомъ на Кавказѣ. Постоянная экзальтація, частыя изнурительныя радѣнія, которымъ предаются послѣдователи этой секты, фатальнымъ образомъ отражаются на ихъ внѣшности, на состояніи ихъ здоровья. Тѣ тифлисскіе прыгуны, которыхъ я зналъ, стояли во главѣ общины и отличались особенной страстностью въ дѣлѣ религіознаго экстаза. Поэтому, вѣроятно, они имѣли видъ преждевременно состарившихся людей, истощенныхъ, согбенныхъ, съ неровной дрыгающей походкой, съ глазами тусклыми и мутными.

Въ виду этого мнѣ казалось, что и мормоны. о радѣніяхъ, «ликованіяхъ» и половомъ развратѣ которыхъ я такъ много наслушался, должны были по внѣшнему виду напоминать собою тифлисскихъ «прыгуновъ».

На самомъ же дѣлѣ я увидѣлъ здоровыхъ, крѣпкихъ, коренастыхъ мужиковъ, съ широкими, бородатыми лицами, со спокойными движеніями. Самые обыкновенные, какъ нельзя болѣе типичные, степные русскіе крестьяне—землеробы. Рѣшительно ничего такого, что указывало бы на какіе-нибудь дефекты физической или психической сферы въ ихъ наружности не было.

Присматриваясь къ нимъ внимательнѣе, можно было лишь подмѣтить въ ихъ глазахъ—ясныхъ и открытыхъ—тѣ особые, то и дѣло вспыхивающіе огоньки, которые всегда говорятъ о работѣ мысли и воображенія. Но вѣдь такіе же точно огоньки можно наблюдать въ глазахъ любого русскаго сектанта, особенно въ періодъ его религіозныхъ исканій.

При разговорахъ и спорахъ о вѣрѣ «мормоны» оживлялись, иногда замѣтно возбуждались, но говорили обдуманно, взвѣшивая свои слова и внимательно вслушиваясь въ возраженія своего собесѣдника и оппонента.

Вообще необходимо признать, что распространенные въ обществѣ слухи и разсказы о крайней экзальтаціи хлыстовскихъ собраній, о изнурительности и эротическомъ характерѣ ихъ радѣній—въ высшей степени преувеличены. Обвиненіе же послѣдователей всѣхъ сектъ «хлыстовскаго характера» въ повальномъ развратѣ, въ свальномъ грѣхѣ, какъ я уже говорилъ, не что иное, какъ явная ложь. Огульныя обвиненія и нареканія подобнаго рода тѣмъ болѣе возмутительны, что хлыстовщина не представляетъ собою чего-нибудь однороднаго, однообразнаго, а состоитъ изъ множества развѣтвленій, которыя отличаются другъ отъ друга очень крупными и существенными особенностями. Эти различія, эти особенности опредѣляются главнымъ образомъ отношеніемъ хлыстовскихъ

сектъ, ихъ общинъ или «кораблей» къ разнымъ формамъ религіознаго экстаза, т.-е. къ радѣніямъ или «хожденію въ духѣ».

Есть такія отрасли «хлыстовщины», въ которыхъ никакихъ радѣній никогда не бываетъ. Въ другихъ же, хотя и происходятъ радѣнія, но они остаются въ рамкахъ и формахъ, не заключающихъ въ себѣ ничего экстравагантнаго. Теперь все чаще и чаще встрѣчаются цѣлые «корабли», цѣлыя общины хлыстовъ, у которыхъ весь ритуалъ религіозныхъ собраній ограничивается пѣніемъ духовныхъ стиховъ, проповѣдью, пророчествами и «братскимъ поцѣлуемъ». А въ тѣхъ корабляхъ, гдѣ уцѣлѣло «хожденіе въ духѣ», оно совершается въ обыкновенныхъ костюмахъ, въ видѣ простого круженія, иногда въ видѣ пляски, но уже безъ всякаго «ликованія», безъ всякихъ эксцесовъ.

Первые «мормоны», съ которыми мнѣ пришлось познакомиться, были крестьяне Бузулукскаго уѣзда, Самарской губерніи, противъ которыхъ въ то время (въ 1897 году) возбуждено было судебное преслѣдованіе по 203 и 196 ст. Уложенія о наказ. Статьи эти,—теперь уже отмѣненныя—предусматривали принадлежность «къ ересямъ, соединеннымъ съ противонравственными, гнусными дѣйствіями». Обвиненіе по этимъ статьямъ влекло за собой лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылку на поселеніе.

«Противонравственныя и гнусныя дѣйствія» обвиняемыхъ состояли, конечно, ни въ чемъ другомъ, какъ именно въ «свальномъ грѣхѣ». Явившись ко мнѣ, какъ представителю печати, искать защиты отъ злыхъ клеветъ и обвиненій, возведенныхъ на нихъ ихъ врагами, миссіонерами, бузулукскіе мормоны передали мнѣ, между прочимъ, обвинительный актъ по ихъ дѣлу, отлитографированный въ канцеляріи Саратовской судебной палаты, провѣренный и скрѣпленный по листамъ секретаремъ палаты. На страницѣ 9-й этого акта находится слѣдующее мѣсто, касающееся центральнаго пункта обвиненія.

«Какъ заканчивались радѣнія у мормоновъ не было

извѣстно, такъ какъ они хранили это въ тайнѣ, но проживавшая въ домѣ Владиміра Илясова въ качествѣ няньки, *крестьянская дѣвочка*, Елена Егоровна Неѣлова, случайно (?) замѣтила, что по окончаніи моленія участвовавшіе гасили огни и ложились въ повалку на полъ на кошмахъ. Если почему-либо моленіе не могло состояться, то Илясовъ мужчинъ, пріѣхавшихъ изъ другихъ селъ, укладывалъ спать въ отдѣльной комнатѣ съ своей женой. По праздникамъ, во время моленій, женщины и мужчины одѣвались въ длинныя бѣлыя рубашки, которыя надѣвались на голое тѣло. По окнчаніи моленія они ложились на кошмы въ тѣхъ же рубашкахъ и женщины ихъ приподнимали по груди, а мужчины ложились на нихъ. Такія моленія (!) у Илясова происходили только по большимъ праздникамъ. На такихъ собраніяхъ она видѣла пріѣзжавшихъ изъ села Александровки-Грачевки Константина, но фамиліи его не помнитъ и другихъ неизвѣстныхъ ей; съ ними же участвовали въ этихъ гнусностяхъ: Владиміръ Илясовъ, его жена, Ульяна, снохи—Марія, Дарья и Ефросинья»... (далѣе перечисляется рядъ женскихъ и мужскихъ именъ и фамилій).

Во время слѣдствія по этому дѣлу было допрошено множество свидѣтелей изъ числа лицъ, которыя входили въ тѣ или иныя сношенія съ обвиняемыми. Однако, *ни одинъ* изъ этихъ свидѣтелей не показалъ ничего такого, что хотя сколько-нибудь подтверждало бы легенду о существованіи свальнаго грѣха у мормоновъ.

Только одна «крестьянская *дѣвочка*», Елена Неѣлова, служившая нянькой у одного изъ обвиняемыхъ, «случайно замѣтила», разныя гнусности, которыя якобы совершались мормонами послѣ радѣній,—замѣтила и подробно повѣдала объ этомъ слѣдователю. Въ обвинительномъ актѣ не указывается возрастъ этой «дѣвочки», о чемъ, нельзя, конечно, не пожалѣть, такъ какъ кому же неизвѣстно, что у насъ въ крестьянствѣ зачастую, сплошь и рядомъ, нянь-

кой служатъ дѣвочки въ 10—12 лѣтъ отъ роду и даже моложе.

Съ другой стороны, кому же неизвѣстно, кто больше всего заинтересованъ у насъ въ такого рода обвиненіяхъ, кто больше всего старается о возбужденіи такого рода дѣлъ, о привлеченіи, съ одной стороны, такихъ свидѣтелей, а съ другой—такихъ экспертовъ, которые бы подтвердили и удостовѣрили на судѣ фактъ существованія у хлыстовъ «свальнаго грѣха» и разныхъ другихъ формъ гнуснаго разврата.

Но найти свидѣтелей, которые бы показали на судѣ то, чего они никогда не видали и не могли видѣть, не такъ-то легко, особенно въ крестьянской средѣ, гдѣ «присяга» не потеряла еще священнаго и грознаго значенія. Поэтому волей-неволей приходится довольствоваться въ подобныхъ случаяхъ показаніями какой-нибудь случайной «дѣвочки», чуть не ребенка,—которая, очевидно совершенно не сознаетъ того, что она показываетъ.

Но за то съ экспертами дѣло обыкновенно устраивается какъ нельзя лучше. Вызванные въ судъ разные профессора духовныхъ академій, а иногда и просто духовныхъ семинарій, очень охотно и очень подробно излагаютъ передъ судьями разныя басни и сказки о «свальномъ грѣхѣ» и чуть ли не о повальномъ развратѣ, которые якобы царятъ всегда среди хлыстовъ. Такъ какъ эти сказки всегда и неизмѣнно повторяются при каждомъ разборѣ «хлыстовскаго» дѣла, такъ какъ онѣ аккуратно перепечатываются во всѣхъ книгахъ, издаваемыхъ миссіонерами и попами о хлыстахъ, то судьи, наконецъ, повѣрили во всѣ эти сказки и басни.

Конечно, ни одинъ изъ этихъ экспертовъ никогда и въ глаза не видалъ ни одного хлыста, ни одного мормона, никогда не наблюдалъ ихъ жизни, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, какова ихъ нравственность, каковы ихъ семейныя отношенія и т. д. Но это нисколько не мѣшаетъ имъ отважно свидѣтельствовать на судѣ о крайне

вредномъ, «противонравственномъ» направленіи хлыстовской секты, о «гнусныхъ дѣйствіяхъ» и свальномъ грѣхѣ, которымъ якобы предаются послѣдователи этой секты при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ.

Хорошо, если подсудимые имѣютъ возможность запастись на судѣ толковымъ и знающимъ защитникомъ. Ему не составитъ, конечно, большого труда разоблачить голословность и безпочвенность показаній экспертовъ, начиненныхъ семинарской премудростью. Еще легче выяснить и доказать самымъ очевиднымъ образомъ, что призванная удостовѣрить на судѣ хлыстовскій развратъ единственная свидѣтельница, «крестьянская дѣвочка», показываетъ и повторяетъ только то, что кто-то втолковалъ и вбилъ въ ея дѣтскую голову.

Но если такого защитника не окажется, что въ глухой провинціи случается, конечно, очень часто, дѣло кончается тѣмъ, что подсудимымъ выносится обвинительный приговоръ къ великому торжеству отцевъ миссіонеровъ и господъ духовныхъ экспертовъ.

Крестьяне Илясовы, Матросовы и другіе мои знакомые мормоны были обвинены, приговорены къ лишенію всѣхъ правъ и ссылкѣ въ Закавказье. Ихъ арестовали, посадили въ грязную, «вонючую тюрьму», за желѣзныя рѣшетки, а затѣмъ, оторвавъ отъ родины и семьи, почему-то заковали въ кандалы и по этапу погнали на далекую чужбину... За что?

Меня долго и неотвязно мучилъ вопросъ: справедливо ли постигла этихъ людей жестокая кара? Я старался собрать возможно больше свѣдѣній объ этихъ людяхъ, и все, что мнѣ удалось узнать о нихъ, говорило за то, что никакихъ «противонравственныхъ и гнусныхъ дѣйствій» они не совершали.

IV.

«ДУХОВНЫЕ».

Сами себя «мормоны» всегда называютъ «духовными». И по-моему, это названіе какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ ихъ религіозному credo, а, главное, основному мотиву ихъ психологіи.

Все Евангеліе, все священное писаніе они всегда стараются объяснить не иначе, какъ иносказательно, въ духовномъ смыслѣ. Всѣ житейскія отношенія, особенно семейныя половыя, сексуальныя, они стараются по возможности одухотворить. Отсюда ихъ «духовныя жены», «духовницы». Вообще все матеріальное, грубое, низменное имъ претитъ, вызываетъ осужденіе и чувство протеста. Можно сказать, что они постоянно переживаютъ конфликтъ между духовнымъ и матеріальнымъ.

Въ своихъ бесѣдахъ съ мормонами, я старался выяснить ихъ отношеніе къ религіи, христіанству, культурѣ и современному государству.

— Евангеліе вы признаете?—спрашивалъ я своихъ новыхъ знакомыхъ.

— Мы считаемъ, что это только исторія... Въ родѣ какъ бы разсказъ, повѣствованіе, скажемъ. Въ немъ, въ Евангеліи, много прибавлено апостолами и другими позднѣйшими учителями. Поэтому надо дюже разбираться: какъ и что къ чему?

— Хорошо, но самое ученіе Христа, тѣ заповѣди, которыя Онъ считалъ самыми важными, вы признаете?

— Ученіе Іисуса Христа мы признаемъ. Мы считаемъ его за самое высшее ученіе... Но въ то же время мы вѣ-

римъ, что каждый человѣкъ, кто только будетъ слѣдовать по стопамъ Христа, можетъ сдѣлаться такимъ же сыномъ Божіимъ, какъ и Христосъ.

— А извѣстно ли вамъ, какъ учитъ объ этомъ православная церковь?—спросилъ я.

— Церковное ученіе намъ извѣстно... Только мы не согласны его принимать.

— Скажите мнѣ: что вы считаете самымъ важнымъ въ жизни? Какое религіозное или нравственное правило считаете самымъ главнымъ для человѣка?

Мой вопросъ, видимо, не засталъ ихъ врасплохъ.

— Первое правило—братолюбіе. Главнѣе этого нѣтъ. Нужно любить своихъ ближнихъ, какъ братьевъ, нужно любить всѣхъ людей, не исключая и враговъ.

По ассоціаціи идей, мнѣ вдругъ вспомнился Толстой, съ его ученіемъ любви. Я спросилъ своихъ собесѣдниковъ: слыхали ли они о Львѣ Толстомъ и объ его ученіи?

— Мы съ умиленіемъ слушали о Толстомъ,—отвѣчали «духовные».

— Какъ же вы относитесь къ его взглядамъ?

— Во многомъ согласны съ нимъ... Только, признаться, мы мало читали его... Гдѣ бы достать его книжекъ?

Взгляды «духовныхъ» на Евангеліе и на личность Христа не могли, конечно, не поразить меня своимъ раціонализмомъ. Когда потомъ я сообщилъ объ этомъ Хрущову, онъ не преминулъ по этому поводу распространиться о «глубокихъ идеяхъ», которыя содержатся въ ученіи «людей божіихъ».

—«Интеллигентное общество смотритъ на хлыстовъ какъ на изувѣровъ, эротомановъ и развратниковъ,—говорилъ онъ.—Это глубоко несправедливо. Въ ученіи людей Божіихъ или хлыстовъ много разумнаго, даже глубокаго, много такого, чему невозможно отказать въ сочувствіи. Конечно, въ основѣ своей, они прежде всего мистики. ... Васъ не пугаетъ это слово? ... Они мистики, такъ какъ больше всего вѣрятъ въ откровеніе, вѣрятъ въ

общеніе со святымъ духомъ. Однако въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ, въ своихъ отношеніяхъ къ Богу, Христу, священному писанію и т. д. «хлысты» нерѣдко доходятъ до полнаго, даже крайняго раціонализма. Да, нѣкоторые изъ нихъ въ этомъ отношеніи идутъ очень далеко... Почитайте на отчеты оберъ-прокурора синода, тамъ вы найдете крайне интересныя указанія относительно міросозерцанія хлыстовъ. Въ одномъ изъ этихъ отчетовъ, напримѣръ, я вычиталъ такія разсужденія хлыстовъ: «Бога нѣтъ вовсе, какъ и добрыхъ и злыхъ духовъ *внѣ* тѣла человѣческаго, ибо ихъ никто не видалъ. Человѣкъ можетъ быть и богомъ, и ангеломъ, и дьяволомъ, смотря по степени своего нравственнаго совершенства»... Вообще, идея о необходимости нравственнаго, этическаго совершенствованія очень близка этой сектѣ. Согласитель, что это великая идея, осуществленіе которой можетъ оздоровить нашу жизнь»...

Но когда я спрашивалъ самихъ мормоновъ о томъ, какъ, въ какомъ видѣ, въ какихъ формахъ они осуществляютъ свои идеи о «братолюбіи» въ повседневной, практической жизни,—ихъ отвѣты не удовлетворяли меня.

— Нужно помогать другъ дружкѣ во всѣхъ нуждахъ... Мы всегда готовы на услуги всѣмъ людямъ,—обыкновенно говорили они.—Среди насъ нѣтъ нищихъ, нѣтъ голодающихъ... Съ неимущимъ братомъ мы завсегда рады подѣлиться послѣднимъ.

Однако, насколько мнѣ удалось узнать, у нихъ не существуетъ сколько-нибудь правильно организованной помощи: нѣтъ ни общественныхъ кассъ, ни кооперацій, ни общественныхъ складовъ и магазиновъ и т. д.

— А какъ относятся хлысты къ государственному строю, къ современнымъ общественнымъ условіямъ?—спросилъ я Хрущова.

— Они недовольны этими условіями, признаютъ ихъ неправильными, несправедливыми, несогласными съ божественнымъ ученіемъ. Иногда отъ нихъ можно услышать

остроумную и даже рѣзкую критику современныхъ условій, однако они никогда открыто не выступаютъ противъ нихъ, а тѣмъ паче не борются съ ними... Терпѣніе, смиреніе, кротость,—вотъ что считается у нихъ главными добродѣтелями.

«Религія рабовъ»,—скажутъ сторонники идеи активной борьбы. А поклонники Метерлинка, быть можетъ, съ сочувствіемъ вспомнятъ его знаменитое «Сокровище смиренныхъ».

Одинъ мормонъ, которому я предложилъ нѣсколько вопросовъ на общественныя темы, отвѣтилъ мнѣ такъ:— «Нынче какое время?.. Ястребъ кидается на голубка и давай его терзать... И никто не заступится за бѣднаго. Такъ и народъ сейчасъ, почитай, что весь, въ когтяхъ у ястреба. И мормоны, и православные всѣ страдаютъ, всѣ мучаются... А помощи ни откуда не видать»...

Впослѣдствіи для меня стало ясно, что хлысты, уходя всецѣло съ головой въ свои мистическія переживанія и интуиціи, отдаваясь страстнымъ порывамъ религіознаго экстаза, въ большинствѣ случаевъ остаются довольно равнодушными къ внѣшнимъ условіямъ общественной жизни, ко всякаго рода организаціямъ общественнаго характера. Все ихъ вниманіе устремлено главнымъ образомъ на внутренній духовный міръ человѣка, на его способность къ достиженію нравственной полной «чистоты», къ отрѣшенію отъ всѣхъ страстей. Достигнуть этой цѣли они надѣются исключительно путемъ непрестанной молитвы, продолжительнаго поста, умерщвленія плоти усиленными радѣніями. Участіе въ этихъ радѣніяхъ, безъ сомнѣнія, въ значительной степени поглощаетъ ихъ энергію, такъ какъ требуетъ съ ихъ стороны большой затраты, большого напряженія силъ.

Изъ своихъ бесѣдъ съ «хлыстами» или «мормонами» я все болѣе и болѣе убѣждался, что они стремятся сблизить Бога съ человѣкомъ, нерѣдко сливая ихъ въ одномъ лицѣ. Отсюда «живые боги», живые Христы, живыя Богородицы.

Подобно интеллигентнымъ «богочеловѣкамъ» 70-хъ годовъ*), они учатъ, что человѣкъ, постоянно совершенствуясь, можетъ, наконецъ, сдѣлаться Богомъ. По ихъ ученію, Богъ постоянно воплощается въ наиболѣе достойныхъ людяхъ...

«Будьте, какъ Боги!»—таковъ въ сущности высокій девизъ тѣхъ людей, которыхъ обыкновенно обзываютъ «хлыстами», «мормонами», «шалапутами» и т. д.

Все, что мнѣ пришлось узнать о религіозныхъ воззрѣніяхъ «хлыстовъ», ясно говорило о томъ, какъ далеко разошлась эта секта съ господствующей религіей. И тѣмъ не менѣе, однако, «хлысты» не порывали видимой связи съ православіемъ: они постоянно посѣщали православную церковь, и ихъ всегда можно было видѣть молящимися тамъ самымъ усерднымъ образомъ.

Фактъ этотъ извѣстенъ съ давнихъ поръ, и всегда онъ объяснялся лицемѣріемъ хлыстовъ, желаніемъ ихъ замаскировать свое сектантство съ цѣлью этимъ путемъ избѣжать преслѣдованій и репрессій, которыя сыпались на нихъ. Я не спорю, очень возможно, что соображенія этого рода, дѣйствительно, имѣли мѣсто въ отдѣльныхъ, быть можетъ, даже въ очень многихъ случаяхъ. Но я убѣжденъ, что главная причина этого явленія лежитъ отнюдь не въ лицемѣріи хлыстовъ, не въ желаніи ихъ избѣжать преслѣдованій, а коренится въ самомъ характерѣ психологіи этихъ сектантовъ.

Дѣло въ томъ, что самое главное для хлыста это — его религіозное настроеніе, тѣ мистическія духовныя переживанія, которыя онъ испытываетъ въ молитвенномъ общеніи съ Богомъ, т.-е. съ духомъ святымъ. Гдѣ именно ему придется переживать это настроеніе—для него почти безразлично. И вотъ, какъ человѣкъ, глубоко религіозный и въ то же время, въ значительной степени чуждый

---

*) См. статью «Левъ Толстой и богочеловѣки». «Русское Богатство», 1911 г., № 8

сектантской нетерпимости, онъ идетъ въ православную церковь, хотя съ православіемъ у него въ сущности очень мало общаго,—и тамъ предается молитвенному настроенію.

И если вы понаблюдаете за «духовнымъ» въ церкви, за выраженіемъ его лица одухотвореннаго и проникновеннаго, если вы увидите, какъ онъ стоитъ, какъ крестится, «воздѣвая руки», какъ падаетъ ницъ, кладя земные поклоны,—вы убѣдитесь, что онъ дѣйствительно переживаетъ состояніе подлиннаго экстаза, и вы непремѣнно отбросите всякую мысль о лицемѣріи.

Тѣмъ не менѣе, однако, посѣщеніе православной церкви, видимо, не удовлетворяетъ «духовныхъ».

— Почему? интересуюсь я.

— «Да потому, что, стоя въ церкви, мы постоянно развлекаемся всѣмъ тѣмъ, что тамъ происходитъ: на первыя мѣста важно и торжественно проходитъ начальство—становой или урядникъ, которые испытующе поглядываютъ на молящихся, туда же направляется матушка-попадья, волостной старшина, писарь, лавочникъ, сидѣлица винной лавки и остальная сельская знать. Происходитъ усиленная торговля свѣчами, затѣмъ разстановка ихъ къ извѣстнымъ образамъ и т. д. Все это отвлекаетъ мысли молящихся въ сторону мірскихъ дѣлъ»...

Итакъ, вотъ почему въ церкви «люди Божіе» не могутъ всецѣло проникнуться молитвеннымъ настроеніемъ, не могутъ отдаться религіозному пафосу. Это возможно только на собраніяхъ «духовныхъ», на которыхъ всѣ присутствующіе объединены однимъ желаніемъ, однимъ стремленіемъ. Здѣсь ничто не развлекаетъ вниманія. Всего же полнѣе эта цѣль достигается во время радѣній,—тутъ уже происходитъ полное, непосредственное сліяніе съ духомъ святымъ.

«Духовные» бываютъ и на религіозныхъ собраніяхъ молоканъ, субботниковъ, духоборовъ, но и тамъ они не находятъ того, чего ищетъ ихъ растревоженная и возбу-

жденная душа. Причину этого они такъ объясняютъ сектантамъ-раціоналистамъ:

— Ваши собранія, ваши моленія слишкомъ холодны, слишкомъ спокойны. Они не волнуютъ насъ, не вызываютъ въ насъ трепета, не охватываютъ нашей души восторгомъ...

Хрущовъ не разъ доказывалъ мнѣ, что того, кто участвовалъ въ хлыстовскихъ собраніяхъ и радѣніяхъ, кто испыталъ «высокое состояніе экстаза»,—того очень трудно заставить отказаться отъ нихъ. и иногда даже прямо невозможно. Какъ трудно заставить алкоголика бросить пить вино, такъ же трудно убѣдить хлыста оставить радѣнія. Страдающій запоемъ прекрасно знаетъ, что водку пить вредно, не хорошо, и тѣмъ не менѣе пьетъ. Такъ и хлыстъ не отстаетъ отъ радѣній даже въ тѣхъ случаяхъ, когда сознаетъ, что они приносятъ вредъ его здоровью.

Однако я долженъ сказать, что случаи отпаденія отъ хлыстовства не такъ уже рѣдки и исключительны. Между прочимъ, черезъ того же учителя Хрущова я познакомился съ однимъ крестьяниномъ, бывшимъ хлыстомъ. Онъ жилъ подъ Самарой, въ пригородѣ, вмѣстѣ съ своей женой, которая ранѣе тоже была хлыстовкой, но затѣмъ, одновременно съ мужемъ, ушла изъ этой секты.

Это былъ мужикъ лѣтъ 50-ти, степенный и сдержанный въ рѣчахъ и въ движеніяхъ. Онъ производилъ впечатлѣніе человѣка уравновѣшеннаго, но въ тонѣ его голоса явно звучала нота какой-то горечи, чуть не скорби, слышалось какое-то глубокое неудовлетвореніе. То же чувство свѣтилось въ его глазахъ, внимательныхъ, вдумчивыхъ и печальныхъ.

— Отчего вы ушли отъ «духовныхъ»?—спросилъ я его.

— Оттого и ушелъ, что не могъ найти у нихъ спокойствія... спокойствія своей душѣ,—отвѣтилъ онъ.

— Какъ такъ? Почему же?

— Да такъ. Воспринялъ я ихъ ученіе, началъ ходить по собраніямъ, началъ радѣть, а душа все была какъ-будто не на мѣстѣ. Я полагалъ, что это оттого, что я плохо ра-

дѣлъ на собраніяхъ, мало утомлялъ свою плоть. И потомъ я старался радѣть какъ ни на есть усерднѣе... отъ всей души, стало быть, отъ всего сердца... Бывало я носился по избѣ, какъ птица какая, скакалъ, кружился до одури, падалъ, снова вскакивалъ, вспрыгивалъ на лавки, вертѣлся волчкомъ... Устану, измучаюсь такъ, что едва держусь на ногахъ. Забудусь, какъ будто и легче, какъ будто и хорошо. А на утро опять тоска сосетъ сердце, опять думы разныя лѣзутъ въ голову. Нѣтъ тутъ спасенья,—думаю,—потому и спокойствія нѣтъ. Вижу: не уйти мнѣ отъ этой тоски, сгложетъ она мое сердце... И чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Долго мучился я, наконецъ, взялъ да и отказался отъ нихъ... и помощница моя, хозяйка, значитъ, тоже ушла вмѣстѣ со мной.

— Ну, и какъ же вы теперь?—спросилъ я,—въ церковь не вернулись?

— Н-ѣ-тъ!.. пошто въ церковь,—возразилъ крестьянинъ такимъ тономъ, какъ будто я сказалъ что-нибудь совсѣмъ несообразное и даже оскорбительное.

— Такъ вотъ и живемъ,—замѣтила жена,—отъ одного берега отстали, къ другому не пристали... Словно некудышники какіе...

А когда я уходилъ отъ нихъ, крестьянинъ, провожая, вдругъ удивилъ меня неожиданнымъ вопросомъ:

— А что, хочу я васъ спросить... Нѣтъ ли у васъ сочиненіевъ Толстова?

Оказалось, что онъ читалъ народные разсказы Л. Н. Толстого, и что они произвели на него сильнѣйшее впечатлѣніе, вызвавъ глубокій откликъ въ его душѣ. Онъ «слышалъ отъ людей», что есть еще толстовское евангеліе, и вотъ ему «до страсти» хочется теперь достать и почитать это евангеліе...

Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что я имѣлъ множество случаевъ убѣдиться въ томъ, что произведенія Толстого по вопросамъ религіозно-этическаго характера возбуждаютъ горячій интересъ въ народѣ и особенно среди сектан-

товъ. Обыкновенно дѣло начинается съ разсказовъ Льва Николаевича: «Чѣмъ люди живы», «Два старика», «Упустишь огонь—не потушишь», которые уже съ 80-хъ годовъ получили широкое распространеніе среди народа; а затѣмъ теперь не только крестьяне, но и рабочіе все болѣе и болѣе начинаютъ зачитываться тѣми именно сочиненіями Толстого, въ которыхъ онъ разрабатываетъ проблемы религіи и этики.

V.

«КЛЯТВЕННОЕ ОТРЕЧЕНІЕ.»

Репрессіи, съ помощью которыхъ русскія власти, почти наканунѣ революціи, вели борьбу съ сектантствомъ, принимали нерѣдко характеръ настоящихъ религіозныхъ гоненій и отличались необыкновенной, чуть не средневѣковой жестокостью. Такъ было и въ концѣ 90-хъ годовъ, когда въ той-же Самарской губерніи становые пристава и урядники подъ руководствомъ миссіонеровъ разъѣзжали по селамъ и деревнямъ и насильно отбирали у сектантовъ ихъ дѣтей, которыхъ затѣмъ отдавали въ монастыри «для воспитанія въ духѣ православной церкви».

Но увы!—несмотря на эту жестокость въ борьбѣ съ религіозными разномыслiями, сектантство росло все болѣе и болѣе,—особенно росли и распространялись секты и ученія мистическаго характера или, по терминологіи духовныхъ властей, «хлыстовщина». Борьба правительства съ этого рода сектами была особенно затруднительна главнымъ образомъ потому, что «хлысты» и «мормоны» въ большинствѣ случаевъ не порывали своихъ связей, своихъ отношеній съ церковью и духовенствомъ, вслѣдствіе чего доказать ихъ сектантство или еретичество было, конечно, крайне трудно, почти невозможно.

Но вотъ епископъ самарскій Гурій, проявившій необыкновенную ретивость въ дѣлѣ насильственнаго отобранія дѣтей отъ сектантовъ, придумалъ, наконецъ, средство, съ помощью котораго онъ надѣялся обнаружить и изловить всѣхъ хлыстовъ, мормоновъ, скопцовъ и т. д. Въ этихъ видахъ онъ составилъ особое «Клятвенное отре-

ченіе отъ хлыстовской ереси и другихъ подобныхъ суевѣрій»,—которое было отпечатано въ огромномъ количествѣ экземпляровъ и распространено по всей губерніи.

Къ сожалѣнію, слишкомъ большіе размѣры этого замѣчательнаго документа, сыгравшаго крайне печальную роль въ жизни населенія Самарскаго края, лишаютъ насъ возможности привести его здѣсь цѣликомъ. Но мы считаемъ необходимымъ познакомить съ нимъ читателей хотя путемъ нѣкоторыхъ извлеченій. Все «Отреченіе» составлено въ очень торжественномъ тонѣ и начинается словами, напечатанными крупнымъ шрифтомъ: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа».

Затѣмъ высказывается убѣжденіе въ томъ, что «премилосердный Господь», желающій спасенія всѣмъ людямъ, «создалъ на землѣ Свою церковь для спасенія всѣхъ истинно вѣрующихъ въ Него, подъ руководствомъ Имъ же самимъ поставленныхъ пастырей и учителей ея, и кто не принадлежитъ къ церкви, тотъ никакъ не можетъ угодить Богу и спасти душу свою, какіе бы подвиги тѣлесные онъ ни предпринималъ для этого».

Далѣе, клянущійся, призывая во свидѣтели «сердцевѣдца Бога, вѣчнаго и праведнаго Судію», высказываетъ увѣренность въ томъ, что всѣ люди, принадлежащіе къ святой православной церкви, непремѣнно спасутся, а всѣ «раскольники, старообрядцы и сектанты-еретики, каковы, напримѣръ, хлысты, мормоны, духоборы, скопцы, молоканы, баптисты и другіе,—всѣ они на вѣки погибнутъ...»

«Вѣрую и исповѣдую предъ всѣми и предъ лицомъ сердцевѣдца Бога, что, какъ сухія вѣтви сгораютъ въ огнѣ, такъ будутъ вѣчно мучиться въ огнѣ геенномъ, за свое лжевѣріе и нечестіе хлысты, мормоны, скопцы, духоборы и другіе еретики и раскольники. Не желая подвергнуться этой ужасной участи, я отъ всей души моей отрекаюсь отъ всѣхъ этихъ ересей и расколовъ, и, вмѣстѣ съ церковью, предъ лицомъ сердцевѣдца Бога, вѣчнаго и

праведнаго Судіи моего *проклинаю* всѣ ихъ богопротивныя и душепагубныя ученія, распространяемыя между людьми отцемъ всякой лжи, духомъ злобы, дьяволомъ, посредствомъ своихъ клевретовъ и слугъ, которые состоятъ во главѣ тѣхъ или другихъ ересей и расколовъ. *Наизловреднѣйшая изъ всѣхъ поименованныхъ сектъ есть секта хлыстовская* по своему лжевѣрію и по своимъ гнуснѣйшимъ обрядамъ; наипаче же потому, что она всѣмъ послѣдователямъ своимъ не только внушаетъ, но и подъ страшною клятвою ставитъ въ обязанность тщательно скрывать срамныя тайны своего лжевѣрія и нечестія подъ видомъ внѣшняго церковнаго благочестія и точнаго исполненія всякихъ обязанностей, какія предписываетъ православная церковь»...

Вслѣдъ за этимъ въ восьми пунктахъ подробно излагается «противное православной вѣрѣ» ученіе хлыстовъ, ихъ взгляды на Бога, на Христа, на церковь и т. д. Послѣдній 8-й пунктъ «Клятвеннаго отреченія» касается обвиненій хлыстовъ въ развратѣ и свальномъ грѣхѣ. Въ виду того, что въ этомъ пунктѣ сформулированы тѣ ни на чемъ не основанныя обвиненія, которыя съ необычайнымъ упорствомъ постоянно выдвигаются нашимъ духовенствомъ противъ «хлыстовъ», мы считаемъ необходимымъ привести здѣсь этотъ пунктъ полностью, безъ всякихъ измѣненій.

«На своихъ радѣніяхъ хлысты, по окончаніи безчинныхъ скаканій, плясокъ и прочихъ обрядностей хлыстовскихъ богомоленій, совершаемыхъ обыкновенно ночью, когда гасятся огни, предаются мерзостямъ разврата, при чемъ допускаются иногда содомскіе грѣхи прелюбодѣянія и кровосмѣшенія; но *хлысты не только не считаютъ эти мерзости разврата грѣхами, напротивъ,—вѣруютъ и учатъ, что въ нихъ-то и выражается любовь другъ къ другу о Христѣ*, и потому, по ихъ нечестивому лжевѣрію, кромѣ законнаго мужа или законной жены, можно имѣть, по Христовой любви, иныхъ мужей и иныхъ женъ, именуемыхъ ими свободными или духовными братьями и духовными сестрами. Я отвергаюсь отъ этого безстыднаго и

нечестивѣйшаго вѣрованія и ученія хлыстовскаго и, вмѣстѣ съ церковью, проклинаю оное предъ лицомъ сердцевѣдца Бога, праведнаго и вѣчнаго Судіи моего».

Если бы отъ составителя этой клятвы епископа Гурія потребовать доказательствъ обвиненій, столь рѣшительно возводимыхъ имъ на хлыстовъ, то несомнѣнно, что онъ былъ бы поставленъ этимъ требованіемъ въ совершенно безвыходное положеніе. Конечно, онъ никогда не будетъ въ состояніи доказать, что хлысты санкціонируютъ развратъ, что они будто бы «вѣрятъ и учатъ», что въ «мерзостяхъ разврата выражается любовь другъ къ другу о Христѣ».

Въ концѣ «отреченія» еще разъ высказывается проклятіе хлыстовской ереси, торжественно провозглашается «анаѳема» этой сектѣ, и, наконецъ, «во свидѣтельство искренности» отреченія произносятся страшныя клятвы о вѣрности православію даже на будущее время, такъ сказать, авансомъ—«до конца жизни». Рискуя навлечь неудовольствіе читателя, я все-таки позволяю себѣ привести здѣсь заключительные аккорды этого необычайнаго произведенія.

«Кромѣ выраженныхъ мною богомерзкихъ и душепагубныхъ лжевѣрій, и лжеученій хлыстовщины, я отрекаюсь, ни мало не лукавнуя сердцемъ, предъ лицомъ сердцевѣдца Бога, праведнаго и вѣчнаго Судіи моего, отъ всего, что содержитъ злобожная ересь хлыстовская, какъ и отъ другихъ подобныхъ ересей, и, вмѣстѣ съ церковью Христовою, непоколебимою хранительницею спасительной истины православія, проклинаю ихъ: анаѳема, анаѳема, анаѳема!

«И во свидѣтельство искренности и истинности сего моего отреченія цѣлую сіе святое Евангеліе и животворящій Крестъ Господень. *Да поразитъ меня на семъ же мѣстѣ Господь и предастъ душу мою въ вѣчную власть сатаны на вѣчное мученіе съ нимъ въ огнѣ геенскомъ*, если я лукавно произнесъ это отреченіе.

«Обѣщаюсь и клянусь предъ лицомъ сердцевѣдца Бога, вѣчнаго и праведнаго Судіи моего, пребывать вѣрнымъ сыномъ (или дщерью) святой православной церкви, подъ спасительнымъ руководствомъ ея богопоставленныхъ пастырей и учителей, т.-е. архіереевъ и священниковъ, до конца моей жизни.

«Если же когда-либо преступлю сіе мое обѣщаніе и святую клятву и по обольщенію отъ хлыстовъ, влекомый плотскою похотью сладострастія, буду посѣщать ихъ бесстыдныя, богомерзкія и душепагубныя сборища и участвовать въ нихъ, или хоть только для любопытства знать, какъ совершаются у хлыстовъ богомоленія, то тогда же да постигнетъ меня страшный и праведный судъ Божій и здѣсь—на землѣ, и послѣ смерти—въ вѣчности: *пустъ я буду тамъ мучиться вѣчно въ огнѣ геенскомъ вмѣстѣ съ діаволомъ* и со всѣми его злыми духами, изобрѣтателями хлыстовства и всякихъ другихъ ересей и расколовъ, какъ и всякаго грѣха на землѣ. Ей и аминь».

Такъ вотъ это самое «Клятвенное отреченіе» усиленно распространялось въ народѣ духовными и свѣтскими властями. Священники, благочинные, урядники, волостные старшины и сельскіе старосты обязаны были заставлять подписывать это «отреченіе» каждаго, заподозрѣннаго въ принадлежности къ хлыстовской сектѣ. Тѣ, которые отказывались подписать «клятву», подвергались всевозможнымъ стѣсненіямъ, нерѣдко въ высшей степени тяжелымъ.

Такъ, напримѣръ, волостныя правленія отказывали въ выдачѣ паспортовъ тѣмъ крестьянамъ, которые почему-нибудь не желали подписать «отреченіе». Такимъ образомъ, крестьяне лишались возможности отправиться на заработки, что, разумѣется, отзывалось крайне разорительно на ихъ благосостояніи. Изъ множества примѣровъ, которыми я могъ бы подтвердить свои слова, укажу одинъ.

Въ селѣ Грачевкѣ, Бузулукскаго уѣзда, священникъ заподозрилъ въ хлыстовствѣ цѣлыя 50 семействъ. Когда нѣкоторые изъ членовъ этихъ семействъ, отправляясь,

по обыкновенію, на заработки, обратились въ волостное правленіе съ просьбой о выдачѣ имъ паспортовъ, то получили категорическій отказъ.

— На какомъ основаніи вы отказываете намъ въ выдачѣ паспортовъ?—спрашивали крестьяне, заподозрѣнные въ хлыстовствѣ.—Мы подъ судомъ и слѣдствіемъ не состоимъ, подати платимъ исправно, недоимокъ за нами нѣтъ.

— А «клятву» подписали?

— Нѣтъ.

— Ну, тогда и паспортовъ вамъ не будетъ.

— Но вѣдь мы же всегда ходили на заработки.

— Мало ли что! Раньше ходили, а теперь нельзя.

— Что же намъ дѣлать?

— Сходите къ священнику, подпишите клятву, попросите его, чтобы онъ извѣстилъ насъ,—тогда и паспорта получите.

— Но мы не можемъ клясться, потому что это запрещается Евангеліемъ. Сказано...

— Ну, тогда вамъ и паспортовъ не будетъ.

Такъ дѣйствовали свѣтскія власти. Въ унисонъ съ ними, только еще съ большей энергіей дѣйствовало духовенство, побуждаемое предписаніями своего епископа Гурія, иниціатора этой дикой, совершенно, конечно, незаконной мѣры. Всячески вынуждая заподозрѣнныхъ въ хлыстовщинѣ крестьянъ къ подписи «Клятвеннаго отреченія», священники буквально отравляли жизнь тѣмъ изъ нихъ, которые отказывались исполнить незаконное требованіе. А такихъ было, конечно, огромное большинство.

У читателей, мало знакомыхъ съ условіями жизни села и деревни, пожалуй, возникнетъ вопросъ: какимъ образомъ священникъ можетъ отравить жизнь крестьянъ, хотя бы и входящихъ въ его приходъ? Пусть на этотъ вопросъ отвѣтитъ письмо-прошеніе крестьянъ одного села Бузулукскаго уѣзда, заподозрѣнныхъ въ мормонствѣ. Письмо это было прислано моему знакомому П. Л. К., о которомъ я упоминалъ выше.

«Милостивый государь П. Л.

«Просимъ васъ покорно взойдите въ защиту, помогите нашему безсилію, если возможно, а нѣтъ—воля ваша. Нѣтъ нашей силушки терпѣнія противъ священника отца Сергія Агаф-ва. Возсталъ онъ на насъ съ ненавистью за то, что мы оказываемъ имъ трезвую жизнь, не хотимъ обидѣть ни одного человѣка ни словомъ, ни дѣломъ, даже не вредить никакой твари, а жить по волѣ Божіей; не пьянствуемъ, не воруемъ, т.-е. чужого не беремъ, знаемъ межи въ загонахъ, довольствуемся своимъ; табаку не куримъ, не нюхаемъ, не сквернословимъ, не бранимся какими-либо пахабными словами; не ходимъ по улицѣ по всей ночи и не поемъ какія-либо пахабныя пѣсни, а занимаемся чтеніемъ, когда есть время; по свадьбамъ пьянствовать не ходимъ, а сидимъ въ уединеніи,—однимъ словомъ, хотимъ жизнь вести трудолюбивую, братолюбивую, тихую, кроткую, покорливую, незлобивую.

«Вотъ за эту нашу жизнь священникъ Агаф-овъ и возненавидѣлъ: сталъ насъ гнать и преслѣдовать за нами; не сталъ къ намъ заходить съ молебномъ на пасху, на престольный праздникъ и съ водосвятіемъ. Въ великій постъ мы постились по двѣ недѣли, но онъ насъ не исповѣдалъ и не причащалъ, а только насмѣхался. И не исправляетъ намъ никакіе христіанскіе обряды. Потомъ сталъ насъ изъ церкви выгонять, чего мы отъ роду и не видали. Какъ кто пойдетъ къ обѣднѣ или къ заутренѣ, такъ его за шиворотъ да въ толчки изъ церкви, а онъ и пойдетъ, бѣдный, заплачетъ.

«Или кто заболѣетъ изъ насъ, онъ (священникъ) не заходитъ пріобщать и не исправляетъ намъ никакія требы. Захаръ Матвѣевъ Савельевъ просилъ его къ своей помощницѣ (женѣ) два раза, а въ третій поѣхалъ съ полицейскимъ, но онъ (священникъ) не поѣхалъ; такъ и померла, не причастившись. Когда она померла, священникъ Агафовъ прислалъ полицейскихъ, чтобы положить ее въ гробъ

и забить гвоздями. Такъ было и сдѣлано: пришелъ сельскій староста съ сотскими, положили ее въ гробъ и прибили крышку гвоздями. Это онъ сдѣлалъ потому, что повѣрилъ людскимъ наговорамъ, будто мормоны такъ дѣлаютъ: когда человѣкъ помретъ, они возьмутъ его, изрѣжутъ по частямъ, высушатъ и этимъ тѣломъ причащаются. Священникъ принялъ отъ людей всѣ эти наговоры и прозвалъ насъ мормонами. Поэтому онъ такъ и сдѣлалъ: хоронить не пошелъ, а сказалъ: «пусть зароютъ вмѣсто скотины».

Далѣе просители жалуются на то, что священникъ Агаф-овъ отказывается не только вѣнчать ихъ дѣтей, достигшихъ совершеннолѣтія, но даже «запрещаетъ прихожанамъ отдавать своихъ дочерей замужъ за нашихъ жениховъ и нашихъ дочерей за ихъ сыновей»! «Усватаешь въ сосѣднемъ селѣ—онъ не вѣнчаетъ». Мало этого, священникъ путемъ разныхъ интригъ и обмановъ разстраиваетъ вѣнчаніе даже въ тѣхъ случаяхъ, когда бракъ заключается въ другихъ приходахъ.

Въ подтвержденіе этого приводится цѣлый рядъ фактовъ, съ точнымъ указаніемъ лицъ, которыя потерпѣли отъ незаконныхъ дѣйствій священника. Изъ этихъ фактовъ видно, что священникъ Агаф-овъ прямо издѣвался надъ крестьянами, которыхъ онъ подозрѣвалъ въ сектантствѣ. Сплошь и рядомъ, напримѣръ, происходили такіе случаи. Крестьянинъ приходитъ къ священнику съ просьбой повѣнчать его съ такой-то невѣстой. Священникъ изъявляетъ согласіе. Тогда крестьянинъ производитъ всѣ тѣ расходы и затраты, которыми всегда и неизбѣжно сопровождаются крестьянскія свадьбы. Но когда, устроивъ все, онъ является къ священнику съ невѣстой и проситъ его приступить къ вѣнчанію, пастырь духовный съ улыбкой, но очень рѣшительно, объявляетъ ему:

— «Сначала поклянись, подпиши «Клятвенное отреченіе», а пока этого не сдѣлаешь, до тѣхъ поръ я вѣнчать тебя не буду»..

Авторы письма горько жалуются, что подобная тактика священника приводитъ ихъ къ «великому раззоренію», такъ какъ для устройства свадьбы они зачастую бываютъ вынуждены «распродать весь хлѣбецъ и разбозлать остальную (т.-е. послѣднюю) скотинку дешевой цѣной».

Но это только одна сторона дѣла,—есть другая, имѣющая не менѣе печальное значеніе въ жизни «мормоновъ» и другихъ нашихъ религіозныхъ отщепенцевъ. Это—та ненависть, та вражда къ сектантамъ, какую стараются вызвать и посѣять священники среди православной части населенія путемъ постоянныхъ натравливаній и науськаній. Благодаря этому то тамъ, то здѣсь происходятъ погромы, нападенія на дома сектантовъ, кровавыя избіенія, въ результатѣ которыхъ нерѣдко здоровые люди выводятся изъ рядовъ работниковъ, становятся калѣками, неспособными къ труду. Авторы письма, которое мы только что цитировали, приводятъ имена и фамиліи такихъ жертвъ искусственно вызваннаго фанатизма.

Но бывало и хуже. Бывали случаи, когда эти погромы, и избіенія, нерѣдко руководимые должностными лицами сельскаго управленія, кончались убійствомъ того или другого сектанта, признаваемаго мѣстными властями особенно вреднымъ. Крестьянинъ Бузулукскаго уѣзда Пимонъ Краничевъ въ 1896 году, при погромѣ, устроенномъ противъ мормоновъ, подъ вліяніемъ агитаціи миссіонера Матюшинскаго*), былъ избитъ до смерти. Главнымъ участникомъ этого убійства являлся мѣстный сельскій староста.

Объ этомъ убійствѣ тогда же было подробно разсказано въ газетѣ «Недѣля», выходившей въ то время подъ редакціей г. Меньшикова, въ статьѣ «Укрощеніе мормоновъ» (1896 года, № 16)... Опроверженія не было. Но, сколько намъ извѣстно, не было также возбуждено и судебнаго преслѣдованія противъ убійцъ...

*) О дѣятельности самарскихъ миссіонеровъ и въ частности о. Матюшинскаго подробныя свѣдѣнія приводились нами въ статьѣ «Расколъ и бюрократія», «Вѣстникъ Европы», 1909 г., №№ 10 и 11.

VI.

ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ ХЛЫСТЪ.

Мнѣ уже не разъ приходилось въ этихъ очеркахъ ссылаться на сельскаго учителя Хрущова, приводить его отзывы и разсказы о самарскихъ хлыстахъ. Такъ какъ и въ дальнѣйшемъ изложеніи мнѣ придется отчасти основываться на его наблюденіяхъ, то поэтому я считаю необходимымъ болѣе подробно разсказать здѣсь о моемъ знакомствѣ съ нимъ.

Это было въ Самарѣ, въ гостиницѣ Анаева, въ которой я обыкновенно останавливался, пріѣзжая въ этотъ городъ.

Кто-то слегка постучалъ въ мой номеръ.

Спѣшу оторваться отъ работы и открываю дверь.

Передо мной лицомъ къ лицу стоитъ незнакомый человѣкъ, средняго роста, лѣтъ 28-ми, съ большими темными, печальными глазами. Старомодный пиджакъ, сшитый, очевидно, деревенскимъ портнымъ, малороссійская рубашка съ вышитымъ воротникомъ, черная, сильно поношенная шляпа.

Такъ одѣваются «сельскіе интеллигенты» или, точнѣе говоря, представители того слоя «полуинтеллигенціи», который сравнительно еще недавно возникъ у насъ, на Руси, и который съ каждымъ днемъ растетъ все болѣе.

— Что вамъ угодно?

Большіе темные глаза изъ глубокихъ впадинъ впиваются въ мое лицо.

— Вы будете г. П—нъ?—спрашиваетъ незнакомецъ, снимая шляпу.

— Я.

— Вы пріѣхали сюда для изслѣдованія сектантства

— Да, да.

— Дозвольте зайти къ вамъ... Переговорить... кое о чемъ...

— Пожалуйста.

Пригласивъ незнакомца въ свой номеръ, я предложилъ ему присѣсть.

Онъ сѣлъ на кончикъ стула, не выпуская изъ рукъ своей шляпы, и началъ, не спѣша, но, видимо, волнуясь:

—Я— сельскій учитель... Хрущовъ... Прочиталъ въ «Листкѣ», что вы пріѣхали въ Самару изучать сектантство.. По этому поводу и хотѣлъ поговорить съ вами. Я знакомъ со многими здѣшними сектантами, нѣсколько лѣтъ жилъ среди нихъ. Мнѣ хотѣлось бы сообщить вамъ свои наблюденія

«Учитель Хрущовъ».—думалъ я, слушая своего посѣтителя.—Гдѣ и отъ кого я слышалъ эту фамилію? И тотчасъ же вспомнилъ, что вскорѣ по моемъ пріѣздѣ въ Самару, одинъ изъ мѣстныхъ судебныхъ дѣятелей, Петръ Александровичъ Араповъ, назвалъ мнѣ эту фамилію, разсказывая объ одномъ громкомъ хлыстовскомъ дѣлѣ, во главѣ котораго стояла основательница Раковскаго монастыря Марія. Эта Марія,—въ мірѣ Настасья Кузминична,—была обвинена въ распространеніи хлыстовщины и сослана въ Суздаль, въ Покровскій женскій монастырь, въ заточеніе. Въ числѣ многихъ лицъ, которыя были заподозрѣны въ сношеніяхъ съ этой Маріей, оказался между прочимъ и сельскій учитель Хрущовъ.

— Вамъ не мѣшаетъ повидаться съ этимъ человѣкомъ,— говорилъ Араповъ.—Если вы расположите его въ свою пользу, онъ можетъ сообщить вамъ много интереснаго о самарскихъ хлыстахъ.

Я принялъ къ свѣдѣнію этотъ совѣтъ, но не спѣшилъ имъ воспользоваться, такъ какъ въ то время все мое вниманіе было поглощено изученіемъ молоканства и нѣкоторыхъ другихъ раціоналистическихъ сектъ средняго По-

волжья; что же касается мистиковъ, въ родѣ таинственныхъ хлыстовъ и людей божіихъ, то знакомство съ ними я поставилъ во вторую очередь и думалъ заняться ими уже по окончаніи изслѣдованія раціоналистическихъ сектъ.

И въ тотъ самый день, когда Хрущовъ явился ко мнѣ, я долженъ былъ выѣхать въ село Коржевку,—Максимовка тожъ,—чтобы посѣтить многочисленную общину тамошнихъ молоканъ, во главѣ которой стояли братья Жогалевы, уже ожидавшіе моего пріѣзда. Въ виду этого я не могъ удѣлить Хрущову того вниманія, котораго онъ, безъ сомнѣнія, заслуживалъ, какъ очень рѣдкій экземпляръ «интеллигентнаго хлыста», и, сославшись на свой отъѣздъ, просилъ его посѣтить меня въ другой разъ, когда я вернусь изъ моей поѣздки.

Но послѣ перваго свиданія Хрущовъ вдругъ куда-то исчезъ, и я совсѣмъ потерялъ его изъ виду. Съ тѣхъ поръ прошло много времени, и только въ самомъ концѣ 90-хъ годовъ, когда мнѣ пришлось прожить въ Самарѣ подъ рядъ нѣсколько лѣтъ, Хрущовъ снова разыскалъ меня и пришелъ ко мнѣ.

Онъ былъ все такой же худой, нервный, со смуглымъ лицомъ и большими темными глазами, сидѣвшими въ глубокихъ впадинахъ. Но теперь, въ его черной, рѣдкой бородкѣ виднѣлись серебряныя нити, а на лбу выступалъ рядъ морщинъ, которыя въ минуты волненія обозначались особенно отчетливо.

Хрущовъ началъ навѣщать меня,—всегда неожиданно, всегда черезъ большіе промежутки времени. Онъ оказался человѣкомъ весьма начитаннымъ по религіознымъ вопросамъ и къ тому же большимъ любителемъ чая, и мы, сидя позднимп вечерами за самоварчикомъ, вели долгія бесѣды на темы о религіозныхъ исканіяхъ народа. Чаще всего рѣчь шла о поволжскомъ сектантствѣ и главнымъ образомъ о самарскихъ хлыстахъ, которыхъ православные миссіонеры прозвали почему-то «мормонами» и о кото-

рыхъ въ то время не мало писалось въ нашей печати, особенно духовной.

Разъ какъ-то я сказалъ Хрущову, что мнѣ очень бы хотѣлось уяснить психологію хлыстовъ, тѣ внутренніе, психическіе стимулы, которые руководятъ ими.

— Это—дѣло нелегкое,—замѣтилъ Хрущовъ.—Сколько я понимаю, психологія хлыстовъ—дѣло въ высшей степени сложное... и притомъ—путаное дѣло. Чтобы вскрыть ихъ психологію—мистическую, экзальтированную, болѣзненную .. отчасти патологическую,—нуженъ особый талантъ,—талантъ Достоевскаго. Онъ могъ бы освѣтить всѣ закоулки больной хлыстовской души, такъ какъ онъ самъ былъ мистикъ и притомъ больной мистикъ, также наклонный къ религіозному экстазу.

— А въ чемъ, по-вашему, главная сущность ученія хлыстовъ? Въ чемъ основа ихъ религіозныхъ взглядовъ, ихъ міропониманія?

— Гм... какъ бы вамъ сказать,—началъ Хрущовъ.— Этотъ самый вопросъ, который вы задаете мнѣ, я часто предлагалъ имъ, и вотъ что они отвѣчали мнѣ. «Мы вѣримъ живому духу, который открываетъ намъ истину чрезъ своихъ избранниковъ... У васъ, въ православіи, вездѣ—буква, мертвая, холодная, а у насъ—*живое* слово, пророчества. Ваши священники—мертвые, слѣпые люди. Они вѣрятъ только книгамъ, только тому, что написано въ нихъ. Въ вашемъ духовенствѣ нѣтъ ничего духовнаго. А мы ходимъ живой вѣрой, живымъ духомъ... У васъ Богъ гдѣ-то на небесахъ, никѣмъ невидимый, незнаемый, а у насъ живой Богъ: Богъ человѣкъ... и притомъ здѣсь, на землѣ, среди всѣхъ насъ...

— Да, хлысты прежде всего вѣрятъ въ *обожествленіе* людей,—продолжаетъ Хрущовъ,—вѣрятъ въ то, что «живой Богъ» можетъ воплотиться въ человѣкѣ. Такимъ образомъ, они признаютъ божественную природу человѣка. Но отсюда же вытекаютъ ихъ въ высшей степени строгія

требованія, которыя они предъявляютъ къ людямъ, особенно же къ своимъ единовѣрцамъ.

— Какого рода требованія?—спросилъ я.

— Требованія моральнаго, этическаго характера. Нравственной чистоты, воздержанія, смиренія, готовности къ самопожертвованію Я ужъ не говорю о полной трезвости, о безукоризненной честности, о мягкомъ и любовномъ отношеніи ко всѣмъ людямъ.

— Какого склада люди большей частью идутъ въ эту секту?—спросилъ я.

— По-моему, въ эту секту идутъ самые первые, самые лучшіе люди,—сказалъ Хрущовъ.—Да. Самые нравственные, религіозные, настроенные самымъ возвышеннымъ и идеальнымъ образомъ.

— Неужели это такъ?—усомнился я.

— Вѣрно,—съ убѣжденіемъ проговорилъ Хрущовъ.—Особенно это слѣдуетъ сказать о женщинахъ, перенесшихъ какое-либо горе: смерть мужа, дѣтей и т. п. Такія женщины охотно идутъ въ хлыстовство. Тамъ онѣ находятъ утѣшеніе, сочувствіе...

— Отчего же эти женщины не идутъ за утѣшеніемъ въ церковь, къ священнику?—спросилъ я.

По лицу Хрущова пробѣжала какая-то тѣнь. Помолчавъ нѣсколько минутъ, онъ сказалъ:

— Что можетъ дать вашъ священникъ женщинѣ, нравственно разбитой... удрученной горемъ? Что?.. Онъ пробормочетъ какую-нибудь несвязную молитву, возьметъ за это пятакъ или гривенникъ, и тѣмъ кончится дѣло... А тамъ, въ собраніи, ее встрѣтятъ съ сердечной лаской, какъ «сестру». Тамъ она найдетъ искренее участіе. Тамъ съ ней поплачутъ, погорюютъ вмѣстѣ... а потомъ утѣшатъ, ободрятъ... А главное — она испытаетъ тамъ восторгъ, испытаетъ высокое состояніе духа, которое достигается только *радѣніемъ*...

VII.

РАДѢНІЯ.

Обыкновенно Хрущовъ говорилъ совершенно откровенно и, какъ мнѣ казалось, вполнѣ искренно, но на первыхъ порахъ иногда онъ точно не договаривалъ до конца, какъ-будто старался что-то скрыть, затушевать. Между прочимъ я подмѣтилъ, что онъ становился особенно сдержаннымъ и осторожнымъ въ сообщеніяхъ каждый разъ, когда разговоръ касался его личныхъ отношеній къ сектантамъ, его участія въ сектѣ хлыстовъ, на что у меня имѣлись указанія.

— Вы близко стояли къ хлыстамъ?—спросилъ я его однажды.

— Они меня прельстили,—сказалъ онъ.

Я ждалъ, что вслѣдъ за этимъ онъ тотчасъ же разскажетъ о томъ, какъ и чѣмъ именно онъ былъ «прельщенъ». Но онъ вдругъ замолчалъ и углубился въ чаепитіе.

— Чѣмъ же собственно хлысты могли увлечь васъ?—спросилъ я.

— Лаской... участіемъ своимъ... При встрѣчахъ со мной они всегда соболѣзновали мнѣ и моему положенію... «Радости въ жизни мало,—говорили они.—У всѣхъ скорбь, у всѣхъ забота, у всѣхъ печаль... Радости нѣтъ ни у одного человѣка». А я былъ одинокъ, я былъ круглый бобыль... въ чужомъ селѣ, ни родныхъ, ни знакомыхъ,—никого. Жалованье—самое пустяшное, такъ что и газеты не могъ себѣ выписать. Долженъ былъ изъ волостного правленія брать... Помѣщеніе холодное...

Опять замолчалъ. Пьемъ чай.

— Хлысты замѣтили мое одиночество. Они начали заговаривать со мной. «Спутницу нужно тебѣ,—говорятъ.— Нельзя, молъ, человѣку жить одному, нужна «духовная сестра», духовница. Апостолъ Павелъ говоритъ: «Неужели я не стою, чтобы со мной была спутница»?

Мой собесѣдникъ снова замолчалъ и снова принялся за чаепитіе. На этотъ разъ молчаніе длилось особенно долго. Желая вызвать его на разговоръ, я предложилъ ему вопросъ:

— Какъ относятся хлысты къ браку?

— Къ браку?—переспросилъ Хрущовъ и вдругъ оживился.—Крайне отрицательно... Они рѣзко критикуютъ современный православный бракъ По ихъ словамъ, бракъ состоитъ сплошь изъ фальши, лжи и обмана. «Бракъ,— причина всѣхъ золъ,—говорятъ они.—Бракъ охраняется попами, чиновниками. Въ бракѣ жена является любодѣйкой, между тѣмъ какъ она должна быть свободна и самый бракъ долженъ быть святымъ»... Онъ долженъ быть результатомъ увлеченія глубокаго, страстнаго... Да, да, восторженный порывъ и вдохновеніе должны приводить къ браку...

— Слѣдовательно, въ принципѣ они не отрицаютъ брака, а отрицаютъ только тѣ формы современнаго брака, въ какія онъ вылился у насъ, какъ церковно-государственное учрежденіе,—замѣтилъ я.

— Да, это, пожалуй, что и такъ,—согласился Хрущовъ. Но это было сказано имъ крайне неувѣреннымъ тономъ.

— И что же, они дѣйствительно живутъ?..—началъ было я, но Хрущовъ тотчасъ же перебилъ меня.

— Да, дѣйствительно, они живутъ восторгами, высшими порывами... экстазами... У хлыстовъ на ихъ собраніяхъ, открыто допускаются ласки со всѣми «сестрами». Поэтому у нихъ нѣтъ лжи, нѣтъ фальши... Между полами должно быть больше общенія,—тогда и развратъ утратитъ свою силу... Приподнятое душевное состояніе,— вотъ что главное для хлыста. А такое состояніе является

у нихъ главнымъ образомъ во время собраній и особенно во время радѣній...

— Вы участвовали въ ихъ собраніяхъ?—спросилъ я.

Онъ отвѣтилъ не сразу.

— Участвовалъ,—какъ-то особенно отрывочно проговорилъ онъ и замолчалъ.

Пьемъ молча чай.

— И въ радѣніяхъ участвовали?—снова спрашиваю я.

Онъ молча кивнулъ головой.

— Разскажите, пожалуйста, поподробнѣе, какъ именно устраивались тѣ собранія, на которыхъ вамъ приходилось бывать.

По разсказу Хрущова, дѣло происходитъ такъ. Вечеромъ или ночью люди Божьи тайно сходятся въ избу, въ которой назначается собраніе. Всѣ стараются пройти возможно незамѣтнѣе. Особые сторожа, выбранные изъ среды самихъ хлыстовъ, цѣлую ночь стоятъ на караулѣ, наблюдая за тѣмъ, чтобы посторонніе, особенно же полиція и духовенство, не накрыли ихъ собранія. Уже одна эта таинственность, эти ежеминутныя опасенія, что вотъ-вотъ ихъ накроютъ, захватятъ, арестуютъ, эта необходимость таиться и скрываться, дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ, поднимаетъ и взвинчиваетъ нервную систему собравшихся. Экстазъ является уже потомъ, но онъ въ значительной степени подготовляется именно этой атмосферой таинственности, этимъ трепетомъ и страхомъ, этимъ жуткимъ ожиданіемъ преслѣдованій.

Раздѣвшись и разувшись въ сѣняхъ, хлысты входятъ въ избу босые, полуобнаженные, въ длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ. Тутъ мужчины и женщины, старики и юноши, молодыя дѣвушки и женщины и старухи.

Усаживаются на лавкахъ и скамьяхъ и затѣмъ начинается пѣніе стиховъ или «распѣвцевъ». Постепенно мотивы становятся все болѣе бодрые, бойкіе, жизнерадостные.

Отъ массы собравшихся людей въ избѣ становится жарко и душно. Настроеніе поднимается, глаза горятъ

и свѣтятся, нервный подъемъ все растетъ. Всѣ ждутъ, всѣ томятся, всѣ страстно жаждутъ появленія духа, и разумѣется, рано или поздно духъ снисходитъ.

Избранникъ или избранница, почувствовавъ въ себѣ присутствіе духа, начинаетъ пророчествовать. Хрущовъ признавался, что эти пророчества почти всегда очень мало вразумительны и потому каждымъ понимаются по своему собственному разумѣнію. По его словамъ, главная суть собраній не въ пророчествахъ, а въ «хожденіи въ духѣ».

— Что вы называете «хожденіемъ въ духѣ»?—спросилъ я.

— То, что по-вашему называется радѣніемъ,—отвѣчалъ Хрущовъ.

— Но въ какихъ же формахъ проявляется это «хожденіе въ духѣ»?

— О, въ самыхъ различныхъ,—смотря по мѣстности по кораблю, по тѣмъ «живымъ богамъ», которые стоятъ во главѣ общины. У насъ—такъ, на Кавказѣ—иначе, въ Симбирской губерніи — еще по-другому. Въ каждомъ мѣстѣ по-своему. Въ очень многихъ общинахъ теперь совсѣмъ не бываетъ никакихъ радѣній.

Я попросилъ Хрущова поподробнѣе разсказать о тѣхъ радѣніяхъ, на которыхъ ему пришлось присутствовать. Между прочимъ меня интересуетъ, какъ собственно начинается самое радѣніе.

По словамъ Хрущова, радѣніе начинается обыкновенно съ пророчества. Вдохновеніе пророка постепенно переходитъ въ экстазъ, который растетъ все болѣе. Наконецъ, его охватываетъ страстный, неудержимый порывъ восторга. Онъ уже не можетъ оставаться на одномъ мѣстѣ. Онъ начинаетъ подпрыгивать, начинаетъ скакать, кружиться. Всѣ слѣдуютъ его примѣру. И скоро вся изба начинаетъ гудѣть отъ топота ногъ, отъ криковъ, возгласовъ, стоновъ. Цѣль радѣнія состоитъ въ томъ, чтобы «утомить плоть», какъ говорятъ хлысты. Потъ градомъ катится по лицамъ участниковъ радѣнія,—настолько, что къ концу собранія полъ избы становится мокрымъ, точно послѣ дождя.

— Если возможно,—говорю я, обращаясь къ своему собесѣднику,—опишите, пожалуйста, тѣ ощущенія, какія вы испытывали во время радѣній.

Я вижу, какъ темные, сидящіе въ глубокихъ впадинахъ, глаза Хрущова загораются, въ нихъ вспыхиваютъ огоньки.

— Восторгъ!... Просвѣтлѣніе,—вотъ что я почувствовалъ прежде всего,—началъ Хрущовъ, и въ его голосѣ вдругъ послышались ноты глубокаго душевнаго волненія.—Сколько тутъ радости! Сколько слезъ!.. Какое высокое состояніе духа! Тутъ и объятія жаркія, братскія лобзанія, поцѣлуи горячіе... Любовный восторгъ, духовный экстазъ... Нѣкоторые, не помня себя, хватаютъ женщинъ на руки, качаютъ ихъ, любуются ими: «красота божія»!..

Хрущовъ замолчалъ. Молчалъ и я, ожидая, чтобы нѣсколько остылъ его пылъ.

Наконецъ, я обратился къ нему съ такими словами:

— Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что религіозный экстазъ, доведенный до крайнихъ предѣловъ, при извѣстныхъ условіяхъ, нерѣдко влечетъ за собою половое возбужденіе. Скажите, пожалуйста, чѣмъ кончаются хлыстовскія радѣнія? И не происходитъ ли у нихъ при этомъ свальнаго грѣха,—какъ увѣряютъ миссіонеры?

Хрущовъ вдругъ вскипѣлъ и возмутился. Въ его тонѣ послышалось глубокое и искреннее негодованіе.

— Никогда, никогда этого не бываетъ у насъ, т.-е. у хлыстовъ,—поправился онъ.—До этого хлыстовскія радѣнія никогда не доходятъ. Это слишкомъ ничтожно для насъ... понимаете?.. Слишкомъ грязно и мелко!

— Да это и психологически невозможно,—продолжалъ Хрущовъ нѣсколько болѣе покойнымъ тономъ.—Невозможно, чтобы люди, настроенные такъ возвышенно, проникнутые и воодушевленные такими чистыми стремленіями, вдругъ тутъ же обратились... въ звѣрей, въ скотовъ... Согласитесь, что это прямо невѣроятно... Это—гнусная,

возмутительная клевета миссіонеровъ и враговъ религіозной свободы...

— Хлысты говорятъ: гдѣ двое или трое во имя Христово, тамъ и Христосъ. Мы вѣримъ,—говорятъ они,—что на нашихъ собраніяхъ тоже присутствуетъ Христосъ. Когда мы идемъ въ собраніе, мы одѣваемся во все бѣлое и чистое, такъ какъ готовимся услышать Духа Святого Мы заботимся о томъ, чтобы чистота была вездѣ, не только въ сердцѣ, не только въ душѣ, но и въ одеждѣ .. Мы осматриваемъ свою одежду: нѣтъ ли, молъ, гдѣ пятнышка? А вы говорите, свальный грѣхъ!.. Да развѣ это мыслимое дѣло? Не забывайте, что эти люди глубоко вѣрятъ въ то, что среди нихъ—живой Богъ,—настоящій подлинный Христосъ...

Я напоминаю Хрущову, что легенды и сказки о свальномъ грѣхѣ «хлыстовъ» получили огромное распространеніе не только въ Россіи, но и за границей.

— Знаю, знаю,—говоритъ онъ въ сильномъ возбужденіи.—«Свальный грѣхъ»!.. Это обвиненіе такъ же дико и нелѣпо, какъ обвиненіе тѣхъ же хлыстовъ въ томъ, что они совершали ритуальныя убійства, что они зарѣзывали дѣтей, вырѣзывали груди у невинныхъ дѣвушекъ, чтобы «кровью живой причаститься», чтобы причаститься кусочками живого тѣла!.. Теперь въ это уже никто не вѣритъ, но было время,—и еще недавно!—когда духовные писатели горячо настаивали на этихъ обвиненіяхъ... Да и не одни духовные!..

Прощаясь со мной, Хрущовъ сказалъ:

— Конечно, я не думаю отрицать того, что половой, сексуальный элементъ играетъ немалую роль въ хлыстовщинѣ, но объ этомъ нужно говорить спокойно и подробно... Какъ-нибудь въ другой разъ...

VIII.

БОРЬБА СЪ ПЛОТЬЮ.

«Хлыстовская секта открыто санкціонируетъ развратъ».

Вотъ то обычное обвиненіе, которое постоянно выдвигается духовными писателями и миссіонерами противъ «людей божіихъ», или «хлыстовъ». О томъ же въ самыхъ рѣшительныхъ и категорическихъ выраженіяхъ всегда заявляется на судѣ экспертами со стороны духовнаго вѣдомства.

Когда же вы, желая разобраться въ вопросѣ, спрашиваете о доказательствахъ, вамъ прежде всего указываютъ на «свальный грѣхъ», т.-е. на «общій развратъ всего корабля», или общины хлыстовъ. По увѣренію духовныхъ писателей, свальный грѣхъ является особымъ «богослужебнымъ (!) обрядомъ», которымъ будто бы заканчиваются религіозныя собранія хлыстовъ. По словамъ этихъ писателей, дѣло происходитъ чрезвычайно просто.

«Послѣ бѣшеной пляски люди божіи гасятъ огни, валятся на полъ, и любодѣйствуютъ, не разбирая, ни возраста, ни родства. Дѣти, зачатыя отъ этого грѣха, признаются зачатыми по наитію св. Духа»

Такъ въ одинъ голосъ,—за очень рѣдкими исключеніями,—говорятъ духовные писатели, духовные эксперты и миссіонеры. Они говорятъ объ этомъ такъ давно и съ такимъ упорнымъ постоянствомъ, что, наконецъ, очень многіе имъ повѣрили. И не только русскіе, но и иностранцы.

Сами «хлысты», разумѣется, съ горячимъ негодованіемъ отвергаютъ обвиненія и заподозрѣванія ихъ въ «свальномъ грѣхѣ». Самарскіе «мормоны», съ которыми

я говорилъ по этому поводу, до глубины души возмущались нареканіями подобнаго рода.

— Вѣдь мы же—люди,—говорили они мнѣ,—людьми остаемся и на радѣніяхъ. Неужели же мы можемъ допустить подобное,—извините за слово,—подобное скотство? Неужели я могу позволить, чтобы моя жена имѣла дѣло съ другимъ человѣкомъ, съ другимъ мужчиной? И неужели я могу допустить, чтобы моя дочка, дѣвушка, потеряла себя?.. Нужно быть совсѣмъ безъ ума и безъ совѣсти, чтобы распускать такую злобную и дикую клевету.

Женщины говорили:

— Если бы, къ примѣру, я узнала, что мой мужъ позволилъ что-либо подобное съ чужой женщиной,—что бы я тогда сдѣлала? Да я бы выцарапала ему глаза, а не то—плюнула бы ему въ лицо, да и ушла отъ него...

И это негодованіе оказывалось такъ сильно и искренно, что рѣшительно не оставалось мѣста для какихъ-нибудь сомнѣній.

— На нашихъ собраніяхъ бываютъ дѣвушки,—говорили «мормоны»,—онѣ остаются такими же чистыми, такими же невинными, какъ и были. Потомъ онѣ выходятъ замужъ. Ими не гнушаются; напротивъ, многіе предпочитаютъ ихъ, какъ болѣе нравственныхъ...

Лично я никогда не вѣрилъ въ существованіе свальнаго грѣха у людей божіихъ, или хлыстовъ, и находилъ голословными и совершенно неубѣдительными тѣ доказательства, которыя обыкновенно приводятся въ подтвержденіе этого обвиненія. Но особенно меня возмущали старанія миссіонеровъ выставить свальный грѣхъ какъ своего рода *религіозный обрядъ* хлыстовъ,—обрядъ, который будто бы предписывается ихъ ученіемъ и который постоянно якобы совершается ими по окончаніи радѣній. Клеветническій характеръ подобныхъ утвержденій для меня былъ внѣ всякаго сомнѣнія.

Если бы свальный грѣхъ дѣйствительно санкціонировался ученіемъ хлыстовъ или хотя бы обычаемъ ихъ, какъ

своего рода религіозный обрядъ, то указанія на это непремѣнно нашлись бы въ изложеніи ихъ ученія, въ проповѣдяхъ и сочиненіяхъ ихъ руководителей и пророковъ, а главное—въ ихъ безчисленныхъ стихахъ, пѣсняхъ и распѣвцахъ, которые поются ими на собраніяхъ. Однако ничего подобнаго нельзя найти ни въ одномъ изложеніи ученія «людей божіихъ», ни въ одной изъ проповѣдей ихъ пророковъ, ни въ одномъ изъ хлыстовскихъ распѣвцевъ, хотя послѣднихъ, напримѣръ, собрано и опубликовано огромное количество *).

— Но откуда же пошли всѣ эти слухи, всѣ эти обвиненія хлыстовъ въ свальномъ грѣхѣ?—спроситъ читатель.—Дыму безъ огня не бываетъ. Должно-быть былъ же какой-нибудь поводъ для того, чтобы эти слухи могли получить такое широкое распространеніе?

Если хотите, поводъ дѣйствительно былъ. По окончаніи радѣнія часть хлыстовъ расходилась по домамъ, но болѣе утомленные, а также пріѣхавшіе изъ другихъ селъ и деревень обыкновенно оставались тутъ до другого дня. Погасивъ огни, они располагались на ночлегъ въ той же избѣ, въ которой происходило радѣніе, а въ лѣтнюю пору—на дворѣ, на сѣновалѣ, въ сараяхъ и амбарахъ. Очень возможно, что тутъ дѣло не обходилось безъ грѣха. Но это были отдѣльные случаи «грѣхопаденія», которые, разумѣется, отнюдь не носили «свальнаго» характера и ни малѣйшимъ образомъ не вытекали изъ ученія «людей божіихъ», а также отнюдь не санкціонировались ихъ обычаемъ. Поэтому приписывать хлыстамъ особый религіозный обрядъ «свальнаго грѣха», т.-е. общаго разврата всего корабля,—утверждать, что этотъ «обрядъ» вытекаетъ изъ самаго ученія хлыстовъ,—прямо недобросовѣстно.

При всемъ этомъ я долженъ, однако, сказать, что нѣкоторыя стороны жизни и ученія «хлыстовъ» невольно

*) См., напримѣръ, сборникъ, изданный Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, по отдѣленію этнографіи «Пѣсни русскихъ сектантовъ мистиковъ». С.-Пб., 1912 г.

заставляли меня относиться къ послѣдователямъ этой секты съ извѣстной осторожностью. Это тѣ именно стороны, которыя касались отношеній хлыстовъ къ женщинѣ, къ браку, къ радѣніямъ.

Для меня было ясно, что всѣ уклоненія отъ нормы, которыя можно подмѣтить въ жизни хлыстовъ, происходятъ главнымъ образомъ въ двухъ областяхъ: въ половой и сексуальной съ одной стороны и въ области экстаза и истеріи—съ другой. И каждый, кто только хочетъ разобраться въ идеалогіи и особенно психологіи хлыстовъ, непремѣнно долженъ обратить особенное вниманіе на эти стороны жизни послѣдователей хлыстовщины.

Ученіе хлыстовъ, какъ извѣстно, отличается глубокимъ дуализмомъ. «Душа человѣка создана Богомъ,—говорятъ хлысты,—она свята и непорочна, но тѣло искажено грѣхопаденіемъ первыхъ людей, поэтому оно порочно и грѣховно». По ихъ мнѣнію, первый человѣкъ согрѣшилъ не тѣмъ, что вкусилъ плодъ отъ древа познанія добра и зла, а именно тѣмъ, что онъ, увлекшись Евой, вступилъ съ ней въ супружескую связь. Такимъ образомъ, въ основѣ ученія хлыстовъ лежитъ прежде всего сознаніе грѣховности физической природы человѣка. Это, разумѣется, чисто монашескій взглядъ.

Отсюда вытекаетъ тотъ суровый и крайній аскетизмъ, которымъ проникнуты религіозныя воззрѣнія хлыстовъ на вопросы пола. Сложныя проблемы полового вопроса разрѣшаются ими черезчуръ прямолинейно. А такъ какъ послѣдствія, къ которымъ всегда и неизбѣжно приводитъ крайній аскетизмъ, слишкомъ хорошо извѣстны, то понятно, что примѣненіе хлыстовскаго ученія въ жизни не могло не вызывать во мнѣ тревожныхъ сомнѣній и опасеній. Поэтому въ своихъ бесѣдахъ съ Хрущовымъ и другими «мормонами» я обыкновенно старался навести ихъ на эту тему.

— Лучшіе люди всегда стремились къ физической чистотѣ,—говорилъ Хрущовъ.—Еще святой Августинъ проповѣдывалъ всеобщее цѣломудріе людей. Теперь то же

проповѣдуетъ Левъ Толстой. Тѣ же самыя стремленія мы видимъ въ хлыстовщинѣ. Полумиѳическій основатель хлыстовщины Даніилъ Филипповичъ училъ своихъ послѣдователей: «Плотскаго грѣха не творите... не женитесь. а кто и женатъ,—живи съ женою какъ съ сестрой»... Конечно, это—только идеалъ, такой же высокій и недостижимый, какъ и тотъ, который въ наши дни провозглашенъ Толстымъ въ его «Крейцеровой сонатѣ»...

Я интересуюсь знать, какъ же этотъ идеалъ проводится хлыстами въ жизнь?

— Хлысты не останавливаются передъ трудностями задачи,—отвѣчалъ Хрущовъ.—Они стремятся по мѣрѣ силъ осуществить этотъ идеалъ въ своей жизни. Они надѣются достигнуть этого путемъ умерщвленія плоти. Нужно «томить плоть»,—говорятъ они,—чтобы она не служила соблазномъ и препятствіемъ для человѣка въ его стремленіи къ нравственной чистотѣ. Какъ же умерщвлять плоть? Ну, конечно, постомъ, изнурительными радѣніями, воздержаніемъ отъ мясной пищи и вина, наконецъ, желѣзными веригами и даже бичеваніемъ. Впрочемъ, въ послѣднее время бичеваніе почти совсѣмъ исчезло, а вериги сдѣлались большой рѣдкостью. Но идея о необходимости «томленія плоти» и посейчасъ является главной идеей людей божіихъ или Стараго Израиля.

Я выражаю рѣшительное сомнѣніе въ томъ, чтобы путемъ постовъ и радѣній возможно было заглушить естественныя требованія природы. Указываю на то, что идеалъ, провозглашенный основателемъ хлыстовства, страдаетъ крайней утопичностью, совершенно неосуществимъ въ жизни, поэтому его послѣдователи неизбѣжно, конечно, вынуждаются итти на компромиссы, на уступки, на сдѣлки съ совѣстью. Напоминаю всѣмъ извѣстную печальную исторію монашества, католическаго и православнаго.

— Половому влеченію, сексуальному элементу я придаю огромное значеніе въ жизни людей,—говоритъ Хрущовъ.—По моему мнѣнію, это—основное, коренное вле-

ченіе. Это—стержень всего человѣческаго существованія. Подъ вліяніемъ этого элемента человѣка можно сдѣлать и магометаниномъ, и православнымъ, и хлыстомъ. Во всѣхъ религіяхъ, во всѣхъ сектахъ сексуальный вопросъ всегда занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ... правильнѣе сказать, даже первое мѣсто. Тѣмъ не менѣе однако проблемы, выдвигаемыя этимъ вопросомъ, — проблемы пола, брака, семьи,—до сихъ поръ еще не разрѣшены человѣчествомъ какъ слѣдуетъ. Отсюда безконечная масса всевозможныхъ страданій и неисходнаго горя. Конечно, не хлысты разрѣшатъ эти вѣчныя, міровыя проблемы, но хорошо уже и то, что они ставятъ ихъ, хорошо, что они все-таки дѣлаютъ попытки для ихъ разрѣшенія.

— По писанію, грѣхъ вошелъ въ міръ черезъ женщину,— продолжалъ Хрущовъ.—Но и спасеніе людямъ пришло чрезъ женщину, такъ какъ ученіе Христа распространилось главнымъ образомъ опять-таки благодаря женщинѣ... И теперь въ мірѣ все дѣлается чрезъ женщину. Почти во всѣхъ сектахъ женщины обыкновенно играютъ главную роль. И у хлыстовъ каждый пророкъ, каждый проповѣдникъ непремѣнно окруженъ женщинами и дѣвушками, которыя составляютъ его свиту... Онѣ первыя отзываются на новую проповѣдь, первыя становятся подъ знамя пророка и учителя.

— У хлыстовъ женщины пользуются значительной свободой, почти полнымъ равноправіемъ съ мужчиной. Если она надѣлена стремленіями и запросами духовнаго характера, если она способна сама загораться отъ религіозныхъ переживаній и зажигать другихъ,—она признается «живымъ богомъ», «богородицей». Тогда она становится во главѣ корабля, дѣлается руководительницей цѣлой общины. И,—замѣтьте,—эти общины ведутся всегда лучше, живутъ всегда нравственнѣе, согласнѣе.

— Почему же?—спрашиваю я.

— Да потому, что сравнительно съ мужчиной женщина всегда болѣе духовна, болѣе идеальна...

IX.

«ЖИВЫЕ БОГИ».

Желая точнѣе выяснить истинный характеръ хлыстовскихъ радѣній, то вліяніе, какое оказываютъ они на ихъ участниковъ, а также роль, которую играютъ у нихъ «пророки» и «живые боги», я часто наводилъ Хрущова на разговоры и споры на эти темы. Особенно часто мнѣ приходилось ломать съ нимъ копья по вопросу о значеніи «радѣній».

Хрущовъ горячо защищалъ «хожденіе въ духѣ». Я же со своей стороны доказывалъ, что религіозныя радѣнія въ видѣ пляски, скаканія, «ликованія» и прыганія—вещь крайне опасная и скользкая, такъ какъ подобныя «ликованія» легко могутъ принять нежелательный характеръ, вызывая въ ихъ участникахъ проявленія чувственности, обостряя половые эмоціи и инстинкты.

Оспаривая мои доводы, Хрущовъ между прочимъ очень охотно ссылался на примѣръ интеллигентныхъ хлыстовъ прежняго времени: на полковника Дубовицкаго, на Татаринову и ея послѣдователей, въ числѣ которыхъ, какъ извѣстно, были и гвардейскіе офицеры, и свѣтскія дамы, и генералы, и представители тогдашней интеллигенціи. Всѣ эти лица, дескать, тоже предавались «святому плясанію», но при этомъ никакихъ нежелательныхъ эксцессовъ не происходило. Въ ихъ радѣніяхъ принимали участіе люди высоко-одаренные и пользовавшіеся общимъ уваженіемъ, какъ, напримѣръ, знаменитый художникъ Боровиковскій. Въ своемъ дневникѣ онъ постоянно говоритъ о томъ благотворномъ вліяніи, какое оказывали на него радѣнія, въ которыхъ онъ участвовалъ.

Возражая Хрущову, я указывалъ на то, что радѣнія, происходившія въ кружкѣ Татариновой, въ значительной степени отличались отъ радѣній поволжскихъ хлыстовъ какъ по своему характеру, такъ и по той обстановкѣ, при которой они происходили. Прежде всего послѣдователи Татариновой радѣли не въ рубашкахъ, а въ своихъ обычныхъ костюмахъ,—дамы въ бѣлыхъ платьяхъ, а мужчины сверхъ костюма одѣвали бѣлый халатъ. Затѣмъ самое радѣніе ограничивалось однимъ «круженіемъ», послѣ чего происходило пророчество, но ни скаканія, ни прыганія, ни «ликованія» совсѣмъ не было

Что касается участія въ собраніяхъ Татариновой художника Боровиковскаго, то въ литературѣ имѣются указанія на то, что радѣнія причинили серьезной вредъ его здоровью и даже, быть-можетъ, ускорили его смерть.

Въ отвѣтъ на мои замѣчанія Хрущовъ сообщилъ, что въ послѣднее время обычай радѣть въ однѣхъ рубахахъ все болѣе исчезаетъ въ Поволжьѣ. Теперь «духовные» совершаютъ свои радѣнія большею частью въ обыкновенномъ платьѣ. Да и самый характеръ радѣнія и «хожденія въ духѣ» начинаетъ постепенно измѣняться, смягчаться, принимать болѣе невинныя формы, далекія отъ всего экстравагантнаго.

Интересуясь вопросомъ о томъ, какъ отзываются теперешнія хлыстовскія радѣнія на общемъ состояніи организма человѣка, на его нервной системѣ, я спросилъ объ этомъ Хрущова. Мнѣ показалось, что онъ какъ-будто не совсѣмъ охотно принялъ участіе въ разговорѣ на эту тему, тѣмъ не менѣе однако онъ принужденъ былъ признать, что у хлыстовъ изъ числа наиболѣе усердныхъ радѣльщиковъ нервная система чрезвычайно возбуждена, что они спятъ непокойно, вздрагиваютъ, что сны ихъ осаждаютъ, и т. д.

— Хлысты это—люди чувства прежде всего,—говорилъ онъ.—На своихъ собраніяхъ они горятъ, они кипятъ ключомъ... Конечно, вы правы: религіозный экстазъ у хлыстовъ

нерѣдко осложняется и переплетается съ половыми эмоціями. Но они не перестаютъ вести борьбу со своими страстями, со своей плотью.

Хрущовъ замолчалъ, а затѣмъ въ раздумьѣ произнесъ:

— Хотя бываютъ странные случаи. Бываетъ такъ: чѣмъ больше изнуряетъ себя хлыстъ постомъ и радѣніями, чѣмъ сильнѣе отдается онъ религіозному экстазу, тѣмъ замѣтнѣе прорываются въ немъ половые инстинкты, плотскія влеченія. Но это — рѣдкія исключенія.

Вообще, являясь восторженнымъ сторонникомъ религіозныхъ «радѣній» Хрущовъ, однако, не скрывалъ тѣхъ отрицательныхъ сторонъ и печальныхъ явленій, которыя можно наблюдать въ жизни послѣдователей мистическихъ сектъ, признающихъ «хожденіе въ духѣ». Такъ онъ указывалъ, что среди нѣкоторыхъ развѣтвленій хлыстовщины, практикующихъ «святое плясаніе», нерѣдки случаи, когда бракъ нарушался, когда семейная жизнь совершенно разстраивалась, такъ какъ духовное сожительство съ «сестрами» или «духовницами» — увы! — часто принимало чисто плотскій характеръ.

У «духовницы» являлись дѣти, и это, конечно, вносило большія осложненія, тѣмъ болѣе, что «духовницей» большей частью являлась замужняя женщина, а ея «духовнымъ братомъ»—женатый человѣкъ, имѣвшій собственную семью. Обѣ семьи оказывались въ ложномъ и тяжеломъ положеніи, такъ какъ «духовница», несмотря на свою связь съ «духовнымъ братомъ», не оставляла своего «законнаго» мужа и продолжала жить съ нимъ подъ одной кровлей. Правда, она каялась въ своемъ грѣхѣ, жестоко мучилась на собраніяхъ, но все это, конечно, не облегчало создавшагося тяжелаго положенія.

Зная какую огромную роль въ жизни хлыстовъ играютъ ихъ «пророки», «живые Христы», «живые боги», я разспрашивалъ Хрущова о томъ, какъ они появляются у хлыстовъ и какія требованія предъявляются къ нимъ членами хлыстовскихъ общинъ.

По словамъ моего собесѣдника, «пророкомъ» или «живымъ богомъ» всегда признается самый выдающійся, самый талантливый человѣкъ изъ всей округи, наиболѣе чуткій и отзывчивый. При этомъ больше всего цѣнится способность быстро воспламеняться, приходить въ приподнятое и даже восторженное состояніе, способность «горѣть». Пророкъ, а тѣмъ болѣе «живой богъ» долженъ обладать даромъ учительства, умѣньемъ разъяснять и разрѣшать всякія недоразумѣнія, возникающія въ средѣ членовъ общины, какъ идейнаго, духовнаго, такъ и матеріальнаго экономическаго, чисто жизненнаго характера. Если ко всему этому онъ обладаетъ также и организаторскимъ талантомъ, то тогда такой «живой богъ» достигаетъ огромнаго вліянія и могущества въ средѣ своихъ поклонниковъ и почитателей.

— А не злоупотребляютъ они своимъ вліяніемъ?—спросилъ я.

— Какъ это? Я не совсѣмъ понимаю васъ,—сказалъ Хрущовъ,—о какихъ собственно злоупотребленіяхъ вы говорите?

— Думаю, что злоупотребленія могутъ быть разныя,—замѣтилъ я.—Въ исторіи хлыстовщины, въ литературѣ по вопросу о мистическихъ сектахъ встрѣчаются много указаній на то, что нѣкоторые «пророки» и «живые боги» въ нравственномъ отношеніи падали весьма низко, доходили до крайней степени распущенности, особенно въ половомъ отношеніи. Вспомните, напримѣръ, знаменитаго нижегородскаго «пророка» Радаева, вспомните, что было обнаружено относительно «царя и бога» кавказскихъ прыгуновъ, Максима Рудометкина. Наконецъ совсѣмъ недавно въ офиціальныхъ документахъ сообщались свѣдѣнія о безобразномъ и скандальномъ поведеніи Харьковскаго хлыстовскаго «пророка» старца Василья Подгорнаго, который и былъ заключенъ за это въ 1892 году въ Суздальскую монастырскую крѣпость.

Выслушавъ меня и помолчавъ немного, Хрущовъ за-

мѣтилъ:—Не забывайте, что исторія хлыстовства писалась до сихъ поръ попами, миссіонерами, чиновниками, т.-е. самыми заклятыми врагами «людей божіихъ». Поэтому ко всѣмъ сообщеніямъ такихъ историковъ, ко всѣмъ ихъ выводамъ необходимо относиться съ большой осторожностью, съ строгой критической провѣркой... Даже къ такъ называемымъ «офиціальнымъ документамъ»!..

Тѣмъ не менѣе онъ все-таки призналъ, что факты, въ родѣ указанныхъ мною, дѣйствительно возможны и что нѣкоторые «пророки» и «живые боги» хлыстовъ кончаютъ очень печально.

Хрущовъ всей душой возмущался подобными фактами и горячо негодовалъ на тѣхъ лицъ, которыя дискредитируютъ «великія идеи религіознаго экстаза» и «обожествленія людей». Но при этомъ онъ не допускалъ и мысли о томъ, что подобныя «паденія» стоятъ въ тѣсной, генетической связи съ ученіемъ хлыстовъ, съ ихъ радѣніями и т. д.

— Но въ такомъ случаѣ, какъ же вы объясняете появленіе среди пророковъ и «живыхъ боговъ» людей съ явно развращенными инстинктами и наклонностями?—спросилъ я.

— Это жертвы своего положенія,—отвѣчалъ Хрущовъ.— Пророки и «живые боги» это—люди, по нашему представленію, отмѣченные св. Духомъ, это — носители божественной благодати. Благодаря этому они пользуются, конечно, огромнымъ нравственнымъ авторитетомъ среди своихъ полѣдователей. Имъ всѣ подчиняются, предъ ними всѣ преклоняются, имъ воздаютъ божескія почести. При этихъ условіяхъ, разумѣется, далеко не всякій человѣкъ въ состояніи устоять противъ безчисленныхъ соблазновъ, которые окружаютъ его со всѣхъ сторонъ. Постоянное поклоненіе не можетъ не портить людей, особенно недостаточно крѣпкихъ и устойчивыхъ въ нравственномъ отношеніи... Вѣдь вы подумайте только о той грандіозной метаморфозѣ, какую долженъ пережить вчерашній мужикъ, вдругъ обратившійся въ живого Христа, въ живого Бога. Что же удивительнаго, если у него закружится голова отъ тѣхъ по-

честей, отъ того поклоненія, которыми его окружаютъ его поклонники и особенно поклонницы? А послѣднихъ всегда бываетъ больше и онѣ болѣе экспансивно выражаютъ свое обожаніе, свое поклоненіе предъ человѣкомъ, который въ своихъ дѣйствіяхъ руководствуется Духомъ Господнимъ... На этой-то почвѣ и происходятъ печальныя, отвратительныя явленія, въ родѣ похожденій Радаева и другихъ...

Хрущовъ замолчалъ, поднялся съ мѣста и началъ прощаться. Я далеко не былъ удовлетворенъ его объясненіемъ, но спорить считалъ безполезнымъ.

Уходя, уже стоя въ передней, Хрущовъ произнесъ:

— А все-таки я долженъ сказать, что *ихъ* стремленія чисты и возвышенны... Если же они падаютъ, то только потому, что хотятъ подняться на недосягаемую высоту. Конечно, я говорю о массѣ, а не объ отдѣльныхъ личностяхъ. Исключенія возможны вездѣ.

Когда онъ ушелъ, я отыскалъ статью Мельникова «Бѣлые голуби» и перечиталъ страницу, посвященую имъ дѣятельности «пророка» Радаева. Вотъ она: «Чистота и безбрачіе составляютъ, по мнѣнію хлыстовъ, самую высокую добродѣтель, безъ которой нельзя достигнуть таинственнаго воскресенія. Чистота и безбрачіе заповѣданы самимъ саваофомъ Данилой Филипповичемъ, но если пророкъ велитъ нарушить чистоту, это исполняется какъ велѣніе Бога. Такъ Радаевъ въ посланіяхъ своихъ хотя и завѣщалъ: «хранить чистоту яко зѣницу ока», хотя на бесѣдахъ безпрестанно твердилъ: «пребудьте въ чистотѣ, такъ велитъ Богъ», но иногда съ послѣднимъ звукомъ подобныхъ рѣчей обращался къ шестнадцатилѣтней ученицѣ, говоря:

— «Не я, но Духъ Святой велитъ тебѣ итти со мною».

«И дѣвушка, безъ стыда, безъ размышленія, спѣшила повиноваться, съ глубокимъ убѣжденіемъ, что она исполняетъ волю Божію, что она обязана исполнить ее.

«Слѣдствіе, произведенное по этому дѣлу, выяснило, что Радаевъ былъ въ связи съ тринадцатью женщинами

и дѣвушками. Всѣ эти женщины единогласно показали при допросахъ:

— «Сказалъ онъ мнѣ, что это надо сдѣлать по волѣ Божіей, а не по его, ибо въ немъ своей воли нѣтъ, чему вѣруя, я согласилась».

«Самъ Радаевъ не отрекся въ этомъ передъ судомъ.— «Я дѣлалъ это,—сказалъ онъ,—не по своей волѣ, а по волѣ Святого Духа, во мнѣ дѣйствующаго».

«По ученію хлыстовъ и скопцовъ,—продолжаетъ Мельниковъ,—самый тяжкій грѣхъ—гордость, уничиженіе же себя тѣломъ и духомъ составляетъ первѣйшее условіе для достиженія таинственнаго воскресенія. На этомъ основаніи Радаевъ училъ, что самое цѣломудріе дѣвицы или чистая жизнь вдовы не что̀ иное, какъ смертный грѣхъ гордыни, что дѣвушка не должна хранить дѣвства, дабы не было ей чѣмъ гордиться предъ потерявшими себя подругами».

Вотъ эти самыя свѣдѣнія о «пророкѣ Радаевѣ», впервые опубликованныя Мельниковымъ, сыграли можно сказать рѣшающую роль при опредѣленіи отношеній православнаго духовенства къ сектѣ хлыстовъ. Основываясь на этихъ именно свѣдѣніяхъ, духовенство пришло къ убѣжденію, что хлыстовщина якобы дѣйствительно санкціонируетъ развратъ. Этотъ взглядъ прежде всего былъ усвоенъ св. Синодомъ и легъ въ основу его политики по отношенію къ сектѣ хлыстовъ, а затѣмъ послужилъ руководящимъ началомъ для православныхъ миссіонеровъ, экспертовъ на судѣ отъ духовнаго вѣдомства и т. д.

Никакихъ сомнѣній, никакихъ колебаній не было. Убѣжденіе въ томъ, что хлыстовщина санкціонируетъ половой развратъ твердо исповѣдывалось представителями духовнаго вѣдомства, базируясь главнымъ образомъ на свѣдѣніяхъ и данныхъ, опубликованныхъ Мельниковымъ о жизни и дѣятельности «знаменитаго хлыстовскаго пророка Радаева». Такъ продолжалось долгое время. И сравнительно лишь недавно этой увѣренности нанесенъ былъ жестокій, сокрушительный ударъ.

Такимъ ударомъ явилось изслѣдованіе Д. Г. Коновалова, вышедшее въ 1908 году подъ заглавіемъ: «Религіозный экстазъ въ русскомъ мистическомъ сектантствѣ». Послушайте же, что между прочимъ говорится въ этомъ изслѣдованіи по интересующему насъ вопросу.

«Съ легкой руки П. И. Мельникова, Радаева принято считать знаменитымъ *хлыстовскимъ**) пророкомъ, а его послѣдователей—*хлыстами*. Согласно съ этимъ сочиненія и показанія Радаева считаются главнѣйшимъ источникомъ свѣдѣній о вѣроученіи хлыстовской секты. Но такой взглядъ совершенно не оправдывается документальными данными, собранными въ судебныхъ дѣлахъ о Радаевѣ и его сторонникахъ. На основаніи изученія этихъ дѣлъ, я прихожу къ рѣшительному заключенію, что Радаевъ не принадлежалъ къ хлыстовской сектѣ, а представлялъ изъ себя религіозно-помѣшаннаго — энтузіаста (параноика), съ рѣзко выраженной эротической окраской, страдавшаго при этомъ припадками большой истеріи; движеніе, поднятое имъ среди крестьянъ села Волчихи и окрестныхъ селеній (въ Арзамаскомъ уѣздѣ Нижегородской губерніи), было не чѣмъ инымъ, какъ религіозно-психической эпидеміей» (стр. III—IV).

Но этого мало. Даже само министерство внутреннихъ дѣлъ, по разсмотрѣніи слѣдственнаго производства о Радаевѣ, нашло, что онъ и его послѣдователи «*принадлежатъ къ православію*, и потому признало, что означенное дѣло расмотрѣнію въ порядкѣ, установленномъ для дѣлъ раскольническихъ, не подлежитъ, а должно быть рѣшено на основаніи общихъ законовъ»... Равнымъ образомъ и Сенатъ «въ общемъ собраніи Московскихъ департаментовъ» признадъ Радаева виновнымъ лишь «въ распространеніи богохульства, состоящаго въ порицаніи св. архангела Михаила, и въ убѣжденіи учениковъ своихъ въ томъ, что

---

*) Курсивъ подлинника

блудъ съ крестьянками дѣлаетъ онъ по наученію Духа Святого».

«Что касается хлыстовъ,—продолжаетъ Д. Г. Коноваловъ,—то я нигдѣ не встрѣчалъ сообщеній, чтобы кто-нибудь изъ нихъ упоминалъ о Радаевѣ или ссылался на его авторитетъ. Едва ли бы это было такъ, будь Радаевъ знаменитымъ хлыстовскимъ пророкомъ. Напримѣръ, своего «Тамбовскаго бога», Перфила Катасонова, хлысты помнятъ и чтутъ до сихъ поръ. Правда, въ судебныхъ дѣлахъ о хлыстахъ имя Радаева фигурируетъ нерѣдко, но не въ показаніяхъ сектантовъ, а въ экспертизахъ «съ духовной стороны» (стр. V—VI).

Убѣдили ли эти данныя православныхъ миссіонеровъ въ томъ, что Радаевъ никогда не былъ хлыстовскимъ пророкомъ, а его послѣдователи никогда не были хлыстами? Врядъ ли. Весь послѣдующій образъ дѣйствій гг. Айвазовыхъ, Восторговыхъ et tutti quanti говоритъ за то, что всѣ доводы и доказательства, извлеченные Д. Г. Коноваловымъ изъ подлинныхъ дѣлъ, прошли для нихъ безслѣдно. И этимъ господа и отцы миссіонеры еще разъ подчеркнули предвзятость и тенденціозность своихъ воззрѣній на хлыстовщину. Но для общества изысканія г. Коновалова, разумѣется, сослужатъ свою службу.

Подробнѣе объ этомъ мы будемъ говорить во второмъ выпускѣ, въ которомъ подѣлимся съ читателями своими наблюденіями и впечатлѣніями, вынесенными изъ личнаго знакомства съ пророками и «живыми богами» стараго и новаго израиля.

X.

БУНТЪ ПРОТИВЪ ПРИРОДЫ.

Возмущаясь жестокими и совершенно безполезными—даже съ точки зрѣнія церкви—преслѣдованіями, направленными противъ «людей божіихъ», опровергая разныя бездоказательныя обвиненія, которыя до сихъ поръ возводятся на этихъ сектантовъ, и выражая сочувствіе многимъ изъ ихъ религіозныхъ взглядовъ,—я, однако, далекъ отъ мысли и желанія идеализировать эту секту.

И въ ученіи хлыстовъ, и въ ихъ жизни, особенно въ ихъ семейной, интимной, половой жизни вы натыкаетесь на такія стороны, на такія черты, которыя не могутъ не смущать васъ, которыя невольно заставляютъ относиться къ послѣдователямъ этой секты съ извѣстной осторожностью. Хотя для меня было несомнѣнно, что даже въ сферѣ отношеній сексуальнаго характера «люди божіи» исходятъ изъ идей высокихъ и чистыхъ, тѣмъ не менѣе мнѣ постоянно приходилось наблюдать, что въ силу полной утопичности поставленныхъ ими задачъ въ этой области, они неизбѣжно вынуждаются на разнаго рода компромиссы, уступки, сдѣлки съ совѣстью.

Съ глубокой древности половое воздержаніе, въ большей или меньшей степени, являлось требованіемъ всѣхъ религій. Но проходящія чрезъ всю исторію человѣчества стремленія людей къ идеальной чистотѣ, къ полному цѣломудрію всегда встрѣчали препятствія со стороны физической природы человѣка.

Эти конфликты между духовнымъ и матеріальнымъ и въ наше время не утратили своей остроты. Вѣдь еще такъ не-

давно разладъ на этой почвѣ мучительно переживался Львомъ Толстымъ, на что, между прочимъ, указываетъ цѣлый рядъ его произведеній, въ родѣ «Крейцеровой сонаты», «Отца Сергія», «Дьявола» и т. д. На западѣ Отто Вейнингеръ, отчаявшись достигнуть той свѣтлой гармоніи, которой жаждала его душа, и которая олицетворялась для него въ «идеалѣ дѣвственности», въ безусловномъ цѣломудріи, покончилъ счеты съ жизнью и предпочелъ совсѣмъ уйти изъ нея.

Въ основѣ ученія хлыстовъ лежитъ прежде всего сознаніе грѣховности физической природы человѣка. Изъ этого, чисто монашескаго взгляда, вытекаетъ тотъ суровый и крайній аскетизмъ, которымъ проникнуты религіозно-этическія воззрѣнія хлыстовъ на вопросы пола, брака, семьи. Сложныя и жизненныя проблемы полового вопроса разрѣшаются ими черезчуръ прямолинейно, черезчуръ упрощеннымъ способомъ.

Необходимо, однако, замѣтить, что во взглядѣ на женщину современные хлысты рѣзко расходятся съ аскетами, которые видѣли въ женщинѣ главнымъ образомъ «сосудъ дьявола», «факелъ сатаны» и т. д. Въ глазахъ хлыстовъ женщина такой же человѣкъ, какъ и мужчина. Она пользуется у нихъ значительной свободой, почти полнымъ равноправіемъ. Хрущовъ былъ правъ, увѣряя, что если женщина-хлыстовка надѣлена стремленіями, способностями и запросами духовнаго характера, если она способна сама загораться отъ религіозныхъ переживаній и зажигать другихъ,—она признается «живымъ богомъ», «богородицей». Тогда она становится во главѣ корабля, дѣлается руководительницей цѣлой общины. Но женщина у хлыстовъ—*только сестра*, *только подруга*. Ни женой, ни любовницей она не можетъ быть, не должна быть. Слѣдовательно, она, по ихъ ученію, не можетъ быть и матерью.

Полумиѳическій основатель секты людей божіихъ Даніилъ Филипповичъ, какъ извѣстно, далъ своимъ послѣ-

дователямъ двѣнадцать заповѣдей, въ числѣ которыхъ были и такія:

«Плотскаго грѣха не творите.

«Холостые не женитесь, женатые живите съ женами, какъ съ сестрами».

Этими заповѣдями было поднято знамя бунта противъ природы, противъ ея законовъ, которые всегда признавались вѣчными и непреложными. Требованія, предъявляемыя этими заповѣдями, можно, конечно, разсматривать какъ идеалъ, такой же высокій и недостижимый, какъ и тотъ, который въ наши дни былъ провозглашенъ Толстымъ въ его «Крейцеровой сонатѣ». Но хлысты считаютъ Даніила Филипповича «живымъ превышнимъ богомъ», они и до сихъ поръ свято чтутъ его. Поэтому они стремятся въ точности исполнять данныя имъ заповѣди, особенно самую трудную изъ нихъ—заповѣдь о безбрачіи, о полной чистотѣ, о безусловномъ цѣломудріи.

И эти люди не останавливаются передъ трудностями задачи. Они дѣйствительно стремятся по мѣрѣ силъ осуществить этотъ идеалъ въ своей жизни. Они надѣются достигнуть этого путемъ умерщвленія плоти, 20-ти, 30-ти и даже 40 дневными постами, изнурительными радѣніями и т. д.

Однако жизнь постоянно указывала, что путемъ постовъ и радѣній невозможно заглушить законныя и естественныя требованія природы. Въ нѣкоторыхъ корабляхъ было даже подмѣчено, что самыя радѣнія иногда влекли за собою замѣтное усиленіе плотскихъ влеченій, и вызываемый этими радѣніями религіозной экстазъ нерѣдко осложнялся и переплетался съ половыми эмоціями.

Съ цѣлью устранить подобныя явленія нѣкоторые руководители хлыстовскихъ кораблей начали было устраивать собранія отдѣльно для каждаго пола, по очереди. Сначала собирались мужчины, пѣли псалмы и распѣвцы, радѣли, «ходили въ духѣ», пророчествовали и затѣмъ расходились. Послѣ этого въ томъ же помѣщеніи собирались

женщины и устраивали радѣніе. Однако этотъ порядокъ не привился, и его пришлось отмѣнить. Почему?

Одинъ изъ участниковъ подобныхъ собраній такъ описывалъ ихъ: «Мужчины радѣли пристально, надѣясь посредствомъ этой работы божіей получить благодатную милость св. духа. Долго они упражнялись въ пѣніи и радѣніи, по лицу ихъ потъ катился градомъ, рубахи ихъ были мокры, хоть выжми; но сердце ихъ было хладно и сухо, духовной радости они не чувствовали, пророкъ пророчилъ вяло и нескладно»... Точно то же происходило и въ собраніи «сестеръ», когда онѣ сходились для бесѣдъ и радѣній однѣ, безъ «братьевъ». Волей неволей пришлось вернуться къ старому порядку, къ общимъ, совмѣстнымъ собраніямъ... Должно быть, правъ былъ Мадзини, утверждая, что «мужчина и женщина это — тѣ двѣ ноты, безъ которыхъ струны человѣческой души не даютъ правильнаго и полнаго аккорда».

Къ числу компромиссовъ и вынужденныхъ уступокъ требованіямъ природы слѣдуетъ отнести также разрѣшеніе мужчинамъ имѣть «духовницъ», а женщинамъ—«духовныхъ братьевъ». Хотя согласно морали «людей божіихъ», взаимныя отношенія между тѣми и другими должны носить непремѣнно духовный, строго платоническій характеръ, тѣмъ не менѣе въ дѣйствительности—какъ уже было отмѣчено нами—духовное сожительство съ «сестрами» или «духовницами» нерѣдко принимаетъ плотскій характеръ.

Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ становилось все очевиднѣе, что предпринятый «людьми божіими» походъ противъ природы обреченъ на полную неудачу. Но суровые фанатики-ригористы не желали сдаваться, не желали признавать себя побѣжденными. Чтобы устоять противъ соблазна, чтобы ни въ какомъ случаѣ не поддаться потоку сладострастія и чувственности, нерѣдко затуманивающихъ совѣсть и мысль человѣка, они рѣшаются съ буквальной точностью слѣдовать евангельскому совѣту: «если око твое соблазняетъ тебя»... и т. д.

Путемъ извѣстной операціи, получившей названіе «малой печати», они надѣялись вырвать зло съ корнемъ разъ навсегда. Однако и на этотъ разъ они жестоко ошиблись: «зло» не было убито. Тогда является ученіе о необходимости «большой или царской печати»... Тысячи людей изъ числа страстно жаждущихъ чистоты и спасенія подвергаются чудовищной операціи.

И опять таки все это оказалось совершенно напраснымъ, лишнимъ, безполезнымъ: и горькій опытъ самихъ хлыстовъ и медицина давно уже установили, что ни «малыя», ни «большія печати» не достигаютъ цѣли, не заглушаютъ страстныхъ желаній и порывовъ, не убиваютъ чувственныхъ вожделѣній въ человѣкѣ.

Только что описанный процессъ чаще всего наблюдался въ тѣхъ именно общинахъ и корабляхъ, въ которыхъ вслѣдствіе разныхъ причинъ случаи «паденій», случаи нарушенія заповѣдей о чистотѣ повторялись особенно часто. Наши духовные писатели всячески стараются раздуть подобные случаи, чтобы лишній разъ бросить по адресу хлыстовъ обвиненіе въ санкціонированіи «разврата». Мы уже говорили выше, насколько это несправедливо; мы говорили, что хлыстовство борется за абсолютную, идеальную «чистоту». Но бунтъ противъ природы не проходитъ безнаказанно: природа мститъ за нарушеніе ея законовъ. Стремленія, направленныя къ подавленію и униженію плоти въ свою очередь могутъ вызвать «бунтъ плоти» и такимъ образомъ привести къ кризису. И мы не отрицаемъ, что въ отдѣльныхъ корабляхъ, въ отдѣльныхъ развѣтвленіяхъ хлыстовщины такіе кризисы переживались.

Такъ, напримѣръ, существуютъ указанія на то, что послѣдователями секты скакуновъ или гюферовъ недавно былъ пережитъ психическій процессъ, приведшій ихъ именно черезъ «бунтъ плоти» къ торжеству крайняго аскетизма, — къ скопчеству. Секта эта распространена подъ самымъ Петроградомъ, среди финскаго и православнаго населенія въ уѣздахъ: Петроградскомъ, Царскосельскомъ,

Ямбургскомъ и Гдовскомъ. Впервые она сдѣлалась извѣстною въ Россіи въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія.

О происхожденіи этой секты существуютъ два различныхъ мнѣнія: одни утверждаютъ, что секта скакуновъ занесена къ намъ изъ Финляндіи, нарочно пріѣзжавшими съ этой цѣлью проповѣдниками. По мнѣнію другихъ, эта секта является отголоскомъ и результатомъ извѣстнаго ученія Татариновой и ея кружка, собиравшагося въ Михайловскомъ замкѣ въ 20-хъ годахъ XIX столѣтія. Если послѣднее предположеніе справедливо, то хлыстовскій характеръ секты скакуновъ не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Несмотря на свою близость къ Петрограду, секта эта изслѣдована очень мало. Въ печати встрѣчались извѣстія о томъ, что секта скакуновъ въ нѣкоторыхъ селахъ Петроградской губерніи «увеличивается съ каждымъ годомъ». Хотя сектанты по большей части «чухны», но они привлекаютъ въ свою секту и русскихъ крестьянъ, особенно женщинъ. Скакуны, какъ и хлысты, совершенно отвергаютъ бракъ, а если и женятся, то семейной жизни всячески избѣгаютъ. Замѣчено, что въ деревняхъ, гдѣ была распространена эта секта, народонаселеніе уменьшается.

Радѣнія скакуновъ,—по увѣренію лютеранскихъ пасторовъ,—носятъ въ высшей степени уродливый, чисто патологическій характеръ и сопровождаются отчаянными скаканіемъ и прыганіемъ. Иные доходятъ до изступленія, скачутъ на четверенькахъ и кричатъ дикимъ голосомъ. Скачутъ всегда попарно, мужчина съ женщиной, взявшись за руки, большей частью по предварительному согласію.

Подобно хлыстамъ, скакуны не употребляютъ спиртныхъ напитковъ, не ѣдятъ мяса и вообще очень воздержны въ пищѣ. Лица у нихъ блѣдныя и осунувшіяся, такъ что ревностнаго скакуна всегда можно узнать съ перваго взгляда. Они носятъ одноцвѣтную бѣлую, синюю или черную одежду и избѣгаютъ цвѣтной. Дѣвушки подстригаютъ волосы и не носятъ ни серегъ, ни бусъ, а замужнія женщины и головныхъ повязокъ.

Извѣстный изслѣдователь русскихъ мистическихъ сектъ профессоръ дерптскаго унивеситета К. Грассъ, посѣтившій меня нѣсколько лѣтъ тому назадъ, разсказывалъ много чрезвычайно интересныхъ подробностей относительно того психическаго процесса, который былъ пережитъ сравнительно въ недавнее время послѣдователями этой секты.

По его словамъ, среди петербургскихъ скакуновъ одно время существовалъ страшный развратъ, крайняя половая распущеность. Женщины, принадлежавшія къ этой сектѣ, показывали на судѣ, что мужчины-скакуны вели себя, «какъ собаки, какъ псы». Но какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, изъ среды самихъ же сектантовъ вскорѣ выдвинулись люди, которые возмутились происходившимъ безобразіемъ и начали жестоко громить и обличать половую распущенность и проповѣдывать воздержную, строгую, нравственную жизнь.

Во главѣ этого движенія встали крестьяне Овчинниковы, принадлежавшіе къ сектѣ скакуновъ. Но борьба съ грѣховной плотью, съ нравственной распущенностью, съ нечистыми привычками, которыя уже укоренились, оказывалась страшно трудной, почти непосильной. И, вотъ, отчаявшись достигнуть «чистоты» путемъ убѣжденія и воздержанія, они рѣшаютъ «вырвать зло съ корнемъ», отнять у людей самую возможность грѣшить противъ седьмой заповѣди.

Овчинниковы дѣлаются скопцами, принимаютъ «большую печать». Ихъ примѣру слѣдуютъ многіе скакуны и скакуньи. Возникаетъ дѣло. На судѣ фактъ оскопленія вполнѣ подтверждается, но судьи тщетно стараются добиться отъ подсудимыхъ указаній на тѣхъ лицъ, которыя производили самыя операціи.

Никого не выдали обвиняемые, ничего не сообщили они суду по этому поводу. На всѣ вопросы судей они отвѣчали одно и то же. «Въ лѣсу встрѣтился старикъ... незнакомый... совершилъ оскопленіе и скрылся... больше его я никогда не видалъ». То же говорили и женщины: «старуха незнакомая встрѣтилась въ лѣсу, совершила оскопленіе» и т. д.

Предсѣдатель спросилъ обвиняемаго:

— Вы раскаиваетесь въ томъ, что изуродовали, искалѣчили себя?

— Напротивъ!—рѣшительнымъ тономъ отвѣчаетъ обвиняемый,—я радъ, что очистился... Если бы у меня снова выросли эти члены, то я снова бы отрѣзалъ ихъ...

Предсѣдатель повторяетъ свой вопросъ, обращаясь ко второму обвиняемому. Тотъ заявляетъ столь же рѣшительно, какъ и первый подсудимый:

— Если бы у меня этихъ членовъ было столько же, сколько вѣтокъ на деревѣ, то я всѣ отрубилъ бы ихъ...

Женщины заявляли на судѣ, что со времени «принятія чистоты» мужчины стали гораздо лучше, человѣчнѣе, чѣмъ въ то время, когда они были скакунами.

Изъ числа обвиняемыхъ 30 человѣкъ были сосланы въ Якутскую область.

По поводу этого приговора мнѣ вспоминаются слова Надеждина, автора извѣстнаго «изслѣдованія о скопческой ереси», напечатаннаго въ 1845 году «по приказанію г. министра внутреннихъ дѣлъ»: «Всѣ вѣры слѣдуетъ терпѣть, кромѣ скопцовъ, которыхъ необходимо гнать, не останавливаясь ни предъ какими жестокостями»!.. Господа чиновники и казенные изслѣдователи вѣчно забываютъ старую, избитую истину, что гоненія и жестокости всегда только способствовали распространенію всѣхъ сектъ, въ томъ числѣ и скопческой.

Что говорить, ужасная, отвратительная секта! Это скажетъ каждый. Но не закрывайте же глазъ и на высокія, свѣтлыя побужденія, во имя которыхъ эти люди рѣшили добровольно на всю жизнь искалѣчить себя,— оцѣните эту рѣшимость, это героическое самопожертвованіе во имя идеи, хотя бы и не вѣрно понятой!

XI.

ВОЛНЫ МИСТИЦИЗМА ПОДНИМАЮТСЯ.

Давно подмѣченный фактъ, что періоды реакціи и гнета всегда сопровождаются усиленнымъ развитіемъ мистицизма, находитъ полное подтвержденіе въ явленіяхъ современной намъ дѣйствительности. На нашихъ глазахъ происходятъ поразительныя явленія историческаго атавизма, воскресаютъ общественныя настроенія, которыя имѣли мѣсто сто лѣтъ тому назадъ, во времена Аракчеева и князя А. Н. Голицина и даже въ эпохи еще болѣе раннихъ реакцій.

Что за послѣднее время разныя мистическія секты и въ частности секты «хлыстовскаго характера» растутъ и умножаются—это не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Между прочимъ, фактъ этотъ подтверждается какъ офиціальными отчетами, такъ и частными лицами, имѣвшими возможность наблюдать современное состояніе хлыстовщины въ разныхъ ея развѣтвленіяхъ, а также и развитіе другихъ сектъ, съ большимъ или меньшимъ налетомъ мистицизма.

И сейчасъ, напримѣръ, Кавказъ и многія мѣстности юга Россіи охвачены сильнымъ религіознымъ движеніемъ, извѣстнымъ подъ именемъ «Новаго Израиля». Наши миссіонеры упорно и не безъ основанія твердятъ, что это—только отпрыскъ все той же хлыстовщины. Въ Петроградѣ и Москвѣ происходитъ религіозно-этическое движеніе, вызванное народными проповѣдниками, извѣстными подъ именемъ «братцевъ», которые въ сравнительно короткій срокъ успѣли увлечь за собою десятки тысячъ послѣдователей. Православное духовенство считаетъ «братцевъ» тайными хлыстами, «хитрыми и опасными».

Сравнительно недавно возникшая секта іоаннитовъ, сорганизовавшись въ Петроградѣ, гдѣ она имѣетъ свой главный штабъ и свой органъ печати (газета «Гроза»), расползается теперь по всей Россіи, при чемъ находитъ себѣ многочисленныхъ послѣдователей даже въ православныхъ монастыряхъ—мужскихъ и женскихъ. Недавно св. синодъ призналъ іоаннитовъ несомнѣнными хлыстами и сдѣлалъ даже распоряженіе о томъ, чтобы отнынѣ эти сектанты назывались не иначе, какъ «хлыстами Киселевскаго толка»*).

Растутъ и другія мистическія секты, какъ, напримѣръ, «прыгуны»—на Кавказѣ и въ нѣкоторыхъ новороссійскихъ губерніяхъ, «скакуны» или гюпферы въ разныхъ уѣздахъ Петроградской губерніи и т. д. Наконецъ, то и дѣло появляются въ газетахъ извѣстія о возникновеніи въ разныхъ мѣстахъ Россіи новыхъ сектъ, чаще всего съ явно мистическимъ оттѣнкомъ. О томъ же въ св. синодъ летятъ донесенія архіереевъ со всѣхъ концовъ Россіи.

Даже такая секта, какъ «бѣлые голуби», т.-е. скопцы, несущіе дикую проповѣдь о чудовищной операціи «большой и малой печати», распространяется въ цѣломъ рядѣ губерній и даже крупныхъ городскихъ центрахъ. Согласитесь, что для XX вѣка успѣхъ сектъ, подобныхъ «бѣлымъ голубямъ», звучитъ слишкомъ громкимъ укоромъ.

Я уже не говорю объ увлеченіи теософіей, спиритизмомъ, оккультизмомъ, хиромантіей,—увлеченіи, которое захватило широкіе круги общества какъ въ провинціи, такъ и въ столицахъ.

Мутныя волны мистицизма—нездороваго, суевѣрнаго, полуистерическаго—разливаются все шире, поднимаются все выше, захватывая,—какъ свидѣтельствовало недавно «Новое Время»—«интеллигентные, *правящіе и даже церковные верхи*»**).

---

*) По имени ихъ «богородицы» Порфиріи Киселевой.

**) «Новое Время», 1912 г., № 12939. Курсивъ нашъ.

Одной изъ характерныхъ особенностей настоящаго момента слѣдуетъ считать появленіе разныхъ «старцевъ», разныхъ «прозорливцевъ», «провидцевъ», «блаженныхъ», юродивыхъ, о которыхъ то и дѣло приходится читать въ газетахъ. Точно мы живемъ не въ XX, а въ XVII или XVIII столѣтіи.

И появляются эти странные выходцы давно минувшей эпохи не только въ захолустьяхъ далекой провинціи, но и въ самыхъ центрахъ просвѣщенія, въ шумныхъ, блестящихъ столицахъ. И что особенно поразительно, многіе изъ этихъ странныхъ людей, этихъ ходячихъ анахронизмовъ, имѣютъ успѣхъ нерѣдко очень громкій, очень шумный и притомъ не только среди низовъ столичнаго населенія, но и среди слоевъ общества, занимающихъ на соціальной пирамидѣ самыя верхнія мѣста.

Недавній громкій скандалъ, которымъ сопровождались возмутительныя похожденія одного изъ такихъ «старцевъ-провидцевъ», безъ сомнѣнія, у всѣхъ еще въ памяти. Но эти скандальныя похожденія не помѣшали, однако, «старцу» увлечь за собою многочисленныхъ и восторженныхъ поклонниковъ и особенно поклонницъ, принадлежащихъ къ самымъ различнымъ общественнымъ кругамъ, вплоть до великосвѣтскихъ салоновъ...

Правда, эти старцы, только въ рѣдкихъ случаяхъ попадаютъ въ великосвѣтскіе салоны, но за то передъ ними гостепріимно раскрываются ворота православныхъ монастырей, и они находятъ многочисленныхъ покровителей и поклонниковъ въ средѣ монашествующей братіи. Тамъ, очевидно, они находятъ почву, какъ нельзя болѣе подготовленную.

Вотъ, напримѣръ, передъ нами «старецъ» Яковъ, происходящій изъ крестьянъ Новгородской губерніи. Онъ много странствовалъ по монастырямъ, былъ въ Іерусалимѣ, на Валаамѣ, долгое время жилъ опять-таки у того же о. Іоанна Кронштадтскаго. Особенно радушный пріемъ онъ встрѣтилъ въ Ниловой пустыни, тверской епархіи.

Здѣсь онъ и обосновался, здѣсь получилъ извѣстность въ качествѣ цѣлителя и чудотворца. Содѣйствіе монастырской братіи дало ему возможность широко развить свою дѣятельность. Настоятель Ниловой пустыни одинъ изъ первыхъ увѣровалъ въ способность старца Якова изгонять бѣсовъ, исцѣлять недуги, творить чудеса. Вскорѣ сотни людей начали приходить въ пустыню, чтобы получить отъ старца Якова совѣтъ, наставленіе, а главное, исцѣленіе отъ недуговъ, избавленіе «отъ бѣса».

Въ своихъ бесѣдахъ старецъ Яковъ охотнѣе всего говоритъ на тему о «блудной страсти», при чемъ онъ, разумѣется, проповѣдуетъ суровый аскетизмъ и воздержаніе. Это, однако, не мѣшаетъ старцу имѣть при себѣ нѣкую «крестьянку Пелагею», которая неотлучно находится при немъ. Вліяніе старца главнымъ образомъ сказывается на молодыхъ женщинахъ, съ которыми онъ—по словамъ офиціальныхъ донесеній—обращается очень «свободно». Больныхъ женщинъ онъ заставляетъ ложиться на сундукъ, затѣмъ ложится самъ и начинаетъ ихъ «тискать и прижимать къ себѣ». Въ это время спутница старца, Пелагея, читаетъ псалтырь. Дѣятельность старца Якова подъ покровительствомъ о. настоятеля продолжалась цѣлые годы.

Только прошлой весной синодъ обратилъ, наконецъ, вниманіе, на эту дѣятельность, и настоятель Ниловой пустыни былъ уволенъ на покой, а всѣмъ преосвященнымъ было предписано сдѣлать распоряженіе, чтобы монастыри впредь отнюдь не допускали въ обители старца Якова.

И только... Нужно ли говорить, что подобныя, чисто бюрократическія и полицейскія мѣры ни на волосъ, конечно, не помогутъ дѣлу. Волны нездороваго мистицизма, очевидно, проникли уже за монастырскую ограду и начинаютъ заливать эти очаги и оплоты православія. Происходятъ явленія и событія, которыя отбрасываютъ насъ уже на двѣсти лѣтъ назадъ.

Въ XVIII столѣтіи, какъ извѣстно, въ Россіи нерѣдки были случаи, когда цѣлые монастыри, въ полномъ составѣ, съ настоятелемъ или настоятельницей во главѣ, переходили въ хлыстовщину. Нѣчто подобное совершается и сейчасъ. Доказательствомъ этого можетъ служить исторія, разыгравшаяся прошедшей зимой въ женскомъ Воронцовскомъ монастырѣ псковской епархіи. Въ одинъ прекрасный день св. синоду вдругъ сдѣлалось извѣстно, что этотъ монастырь оказался всецѣло въ рукахъ іоаннитовъ,—тѣхъ самыхъ іоаннитовъ, которыхъ нашъ синодъ называетъ теперь не иначе, какъ «хлыстами киселевскаго толка». Есть много основаній думать, что приведенный случай далеко не единственный въ своемъ родѣ.

И сейчасъ, какъ въ былыя далекія времена, вновь оживаютъ эсхатологическія чаянія, т.-е. ожиданія близкаго конца міра, скораго второго пришествія Христа. И, пожалуйста, не думайте, что эти вѣрованія захватываютъ только какіе-нибудь темные низы крестьянской массы. Совсѣмъ нѣтъ! И среди привелигированнаго общества, среди столичной интеллигенціи вы можете встрѣтить не мало людей, взволнованныхъ и встревоженныхъ идеей скораго второго пришествія.

Начиная съ 1905 года, въ Петроградѣ проповѣдуетъ полковникъ Бейнингенъ, который на основаніи хронологическихъ датъ священнаго писанія и разныхъ историко-археологическихъ изысканій доказываетъ, что второе пришествіе Спасителя непремѣнно состоится въ 1932—33 году,—не раньше и не позднѣе. На эти проповѣди, происходящія чуть не ежедневно, всегда стекается много самой разнообразной публики, хотя полковникъ каждый разъ говоритъ почти одно и то же.

Тутъ и чиновники, и торговцы, и курьеры, и женщины въ платочкахъ и шляпахъ съ широкими полями, и множество мастеровыхъ, рабочихъ, ремесленниковъ. Молодые и пожилые, люди среднихъ лѣтъ, старухи, подростки.

Полковникъ Бейнингенъ только проповѣдуетъ о ско-

ромъ пришествіи Христа, но у насъ въ Россіи и, между прочимъ, въ томъ же Петроградѣ, есть цѣлыя секты, послѣдователи которыхъ исповѣдуютъ, что переживаемое нами время есть послѣднее время, и что вотъ-вотъ придетъ Христосъ. Такова, напримѣръ, секта адвентистовъ 7-го дня, проникшая въ Россію изъ Америки во второй половинѣ 80-хъ годовъ,—послѣдователи которой теперь встрѣчаются во многихъ губерніяхъ.

— «Мы находимся на границѣ,—говорятъ адвентисты.— Мы приближаемся къ великимъ событіямъ, которыя вскорѣ совершатся... Скоро наше путешествіе окончится... Скоро, скоро придетъ Господь и возьметъ съ собою всѣхъ вѣрующихъ»...

Еще съ большей напряженностью ждутъ скораго второго пришествія ирвингіяне, «апостольская община» которыхъ пріютилась на одной изъ центральныхъ улицъ Петрограда, въ домѣ герцога Мекленбургъ-Стрелицкаго. Среди ирвингіянъ есть и офицеры, и врачи, и инженеры, и дантисты, и дамы изъ общества, и даже отдѣльные представители титулованной аристократіи.

Послѣдователи сравнительно недавно возникшей секты іоаннитовъ точно такъ же вѣрятъ, что второе пришествіе Христа должно совершиться въ наши дни. Многіе изъ нихъ, не задумываясь, назначали срокъ второго пришествія даже въ 1912 году.

Какъ припомнятъ читатели, въ томъ году Пасха совпадала съ Благовѣщеніемъ. Этого обстоятельства оказалось вполнѣ достаточно для того, чтобы во многихъ мѣстахъ въ народѣ начали распространяться толки и слухи о томъ, что съ наступленіемъ Пасхи послѣдуетъ кончина міра. Въ нѣкоторыхъ селахъ Псковскаго уѣзда (напримѣръ, Большое Загорье) крестьяне шили себѣ бѣлыя одежды, чтобы достойнымъ образомъ встрѣтить страшный судъ.

А разъ конецъ міра такъ близокъ, такъ неизбѣженъ, то стоитъ ли задумываться, стоитъ ли заботиться объ улучшеніи общественныхъ и всякихъ иныхъ условій на-

шей жизни? Очевидно, нужно думать не о жизни, не о землѣ, а о небѣ, нужно стараться, чтобы попасть въ рай, а не въ адъ кромѣшный.

И чѣмъ сильнѣе обострялась правительственная реакція, чѣмъ больше замирала подъ гнетомъ репрессій культурная и общественная жизнь страны, тѣмъ все выше поднимались мутныя волны туманнаго мистицизма и суевѣрія, тѣмъ большій успѣхъ имѣла проповѣдь разныхъ «прозорливцевъ», «живыхъ Христовъ», «богородицъ»...

XII.

ОТЧЕГО РАСТЕТЪ ХЛЫСТОВЩИНА?

Вопросъ о причинахъ, вызывающихъ въ народѣ распространеніе мистическихъ ученій и въ частности хлыстовщины, не могъ, конечно, не интересовать меня. Въ своихъ бесѣдахъ съ хлыстами и мормонами я пытался по возможности выяснить эти причины, разгадать мотивы, заставляющіе обитателей селъ и деревень тяготѣть къ такого рода сектамъ.

Однажды, когда учитель Хрущовъ передавалъ мнѣ о впечатлѣніяхъ, пережитыхъ имъ на первыхъ порахъ его увлеченія радѣніями,—я спросилъ его: гдѣ это происходило, гдѣ онъ жилъ въ то время?

Онъ назвалъ село, закинутое въ глухой степи, въ дали отъ городовъ и желѣзныхъ дорогъ.

Мнѣ показалось, что предо мной вдругъ мелькнула разгадка того внутренняго, психическаго процесса, подъ вліяніемъ котораго эти степные жители такъ легко увлекаются хлыстовской мистикой, такъ жадно хватаются за ихъ радѣнія, за ихъ «хожденіе въ духѣ».

Въ моемъ воображеніи вдругъ стали и раскинулись поволжскія степи, широкія, молчаливыя, пустынныя, и среди нихъ затерявшіеся въ этой пустыни—одинокіе деревни и хутора. Глушь страшная. Лишь изрѣдка мелькнетъ бѣлая церковь съ зеленымъ куполомъ; еще рѣже встрѣтите сколько-нибудь сносную, сколько-нибудь благоустроенную школу. Разумѣется, ни библіотеки, ни театра, ни народныхъ чтеній, ни музея, ни народнаго дома или клуба—ничего такого, что бы привлекло, что бы

захватило мысль и чувство жителя степи... Тяжелый, упорный трудъ изо дня въ день. Сѣрое, тусклое, однообразное существованіе, безъ всякой смѣны впечатлѣній.

И вдругъ въ эти вѣчныя тусклыя сумерки врывается что-то новое, яркое, красочное и въ то же время загадочное, таинственное, что невольно влечетъ къ себѣ. Мистическое ученіе «духовныхъ» о живыхъ богахъ и пророкахъ, о таинственномъ воскресеніи или обновленіи людей, ихъ тайныя собранія, съ пѣніемъ гимновъ и распѣвцевъ, съ ихъ экстазомъ, радѣніями и «ликованіемъ»—все это не можетъ не поразить воображенія жителя степной деревни, въ душѣ котораго постоянно живутъ религіозныя стремленія и исканія, мистическіе порывы. И, вотъ, онъ плѣненъ и увлеченъ. Проходитъ нѣсколько дней, и онъ уже бѣшено кружится въ пляскѣ, забывая все то сѣрое, будничное, тяжелое, что окружаетъ его со всѣхъ сторонъ, что томитъ и давитъ его. Теперь духъ его окрыленъ, онъ чувствуетъ себя свободнымъ и счастливымъ, онъ чувствуетъ себя на седьмомъ небѣ.

А если это такъ, то само собой понятно, съ помощью какихъ средствъ нужно бороться съ этимъ явленіемъ, которое во всякомъ случаѣ нельзя признать здоровымъ и нормальнымъ... Культура, образованіе, развитіе и оживленіе мѣстной общественной жизни, искусство, театръ, музыка, сетлементы, народныя чтенія, клубы, лекціи и т. д.

Все это я тотчасъ же высказалъ предъ своимъ собесѣдникомъ.

Хрущовъ молча и внимательно слушалъ меня. Я уже давно кончилъ, но онъ продолжалъ молчать, какъ бы обдумывая мои слова. Наконецъ, онъ заговорилъ:

— Театръ,—говорите вы... народныя чтенія... Нѣтъ, все это не то!.. Все это *для нихъ* слишкомъ мелко... блѣдно... слишкомъ прѣсно! Да. Вѣдь они на своихъ собраніяхъ переживаютъ и испытываютъ болѣе захватывающія, болѣе острыя впечатлѣнія. Впечатлѣнія восторга, паѳоса, ре-

лигіознаго экстаза... Тотъ, кто испыталъ эти переживанія, для того вашъ театръ ничего не дастъ...

Я, конечно, не сдавался, стараясь отстоять мысль о томъ, что увлеченіе искусствомъ, музыкой, поэзіей, наукой можетъ наполнить жизнь человѣка, можетъ глубоко и всецѣло захватить его. Но Хрущовъ продолжалъ стоять на своемъ.

— Разумъ, наука, говорите вы. Но имъ этого не нужно, такъ какъ все это только мѣшаетъ ихъ увлеченіямъ, ихъ повышенному состоянію, ихъ мистическимъ ощущеніямъ, ихъ высокому душевному подъему.

Эти возраженія моего собесѣдника далеко не убѣждали меня. Но я полюбопытствовалъ узнать отъ него: въ чемъ же онъ видитъ главную причину развитія хлыстовщины, и какія мѣры, по его мнѣнію, могли бы парализовать распространеніе мистическихъ сектъ?

— Давно подмѣчено,—задумчиво началъ Хрущовъ,— что когда жизнь на землѣ становится слишкомъ тяжелой, слишкомъ невыносимой, тогда люди начинаютъ стремиться къ небу. Отсюда развитіе и усиленіе мистицизма, особенно въ эпохи реакціи, гнета и всяческихъ народныхъ бѣдствій и неустройствъ. Тотъ гнетъ, который повисъ надъ нашей деревней, по моему, является главной причиной развитія мистическаго сектантства и въ частности хлыстовщины. Деревня связана по рукамъ и по ногамъ. И не думайте, что это только полицейскій, административный гнетъ стражниковъ, урядниковъ, становыхъ, жандармовъ, охраны. Нѣтъ! Не меньше терпитъ народъ въ области духовной, этической, религіозной, культурной— терпитъ отъ священниковъ, миссіонеровъ, инспекторовъ народныхъ училищъ—этихъ гасителей всякаго свѣта и развитія,—отъ цензоровъ, министерства народнаго затменія, отъ архіереевъ и св. синода .. Духовная цензура хуже инквизиціи: она давитъ и калѣчитъ всякую свѣжую, здоровую мысль, насилуетъ совѣсть, которая не можетъ мириться съ тѣмъ, что совершается вокругъ...

Я замѣтилъ, что все это у насъ и ранѣе процвѣтало и даже, быть можетъ, въ большей степени, чѣмъ теперь.

Но Хрущовъ не соглашался съ этимъ. Онъ началъ съ жаромъ доказывать, что за послѣднюю четверть вѣка, подъ вліяніемъ политики Побѣдоносцева и Саблера, въ духовной жизни русскаго народа произошли глубокія измѣненія, благодаря которымъ «духовный гнетъ» принялъ особенно назойливыя формы, достигъ небывалыхъ прежде размѣровъ. Духовенство теперь ужъ явно предпочитаетъ интересамъ церкви интересы государства и даже администраціи. Оно до того «приручено» гражданской властью къ безпрекословному подчиненію, что уже не тяготится обязанностями чисто полицейскаго, жандармскаго характера. Теперь народъ не можетъ говорить, не можетъ сходиться вмѣстѣ. Того гляди нагрянетъ о. Матюшинскій, и сейчасъ же «дѣло», сейчасъ обвиненіе въ сектантской пропагандѣ, въ совращеніи, въ порицаніи церковныхъ обрядовъ, въ кощунствѣ и т. д.

— Миссіонеры и попы своими отношеніями къ сектантамъ, своимъ образомъ жизни и поведеніемъ только поддерживаютъ хлыстовщину, но имъ совершенно не подъ силу бороться съ нею... И чѣмъ больше будутъ гнать хлыстовщину, чѣмъ больше она будетъ имѣть причинъ таиться и скрываться, тѣмъ сильнѣе и больше она будетъ расти...

Хрущовъ говорилъ горячо и возбужденно, ходя по комнатѣ изъ угла въ уголъ.

— Чего надѣлалъ одинъ Матюшинскій!—продолжалъ онъ.—Вѣдь еслибъ его не остановили, онъ бы половину губерніи въ хлыстовщину обратилъ. Ему что? Ему бы только камилавку получить, да денегъ побольше. Вонъ какой новый домъ себѣ выстроилъ!.. Миссіонеры насилуютъ народную душу...

Отъ миссіонеровъ и священниковъ Хрущовъ перешелъ къ архіереямъ и въ частности къ тогдашнему самарскому епископу Гурію.

— Развѣ можно такого человѣка на такое мѣсто ставить?—говорилъ онъ.—Вѣдь на такую должность нуженъ орелъ, который бы подъ небесами парилъ. Ничего кромѣ анаѳемы, кромѣ отобранія дѣтей отъ родителей, кромѣ полицейскихъ гоненій онъ придумать не могъ. Понятно, почему всѣ клянутъ Гурія. Въ церкви молятся за архіерея, а народъ думаетъ: «спаси, Господи, отъ архіерея».

Среди людей вполнѣ здоровыхъ, вполнѣ нормальныхъ хлыстовщина не можетъ имѣть успѣха. Въ нее идутъ, главнымъ образомъ, расшатанные, потрясенные, изнуренные. Нужда, голодъ, тюрьма, гоненія, ссылки сильно способствуютъ распространенію хлыстовщины. Еще чаще идутъ туда люди съ неудавшейся и разбитой семейной жизнью.

— Сейчасъ, напримѣръ,—говорилъ Хрущовъ,—хлыстовщина сильно распространяется по Новоузенскому уѣзду. Но вѣдь этотъ уѣздъ больной, духовно, морально больной. Когда-то тамъ царилъ расколъ, царило старовѣріе. Иргизскіе монастыри процвѣтали и славились на всю Россію. При императорѣ Николаѣ Павловичѣ рѣшено было обратить эти монастыри въ единовѣрческіе. Монахи и скитники наотрѣзъ отказались отъ этого. Окрестное населеніе дружно встало на ихъ защиту. Это было принято за бунтъ. Пріѣхалъ губернаторъ съ жандармами, явились войска, казаки, пушки. Разыгрались сцены возмутительныхъ насилій, столь обычныхъ у насъ при усмиреніи подобныхъ «бунтовъ». Всѣ скитники и монахи были разогнаны или сосланы, а старообрядческіе монастыри обращены въ единовѣрческіе. Народъ остался не только безъ духовныхъ руководителей, но и безъ церкви, такъ какъ не пожелалъ принять православія, куда его загоняли казацкими нагайками. Съ тѣхъ поръ особенно усилились въ этомъ уѣздѣ разныя религіозныя броженія, которыя постепенно все разрастались и вылились, наконецъ, въ форму мистической хлыстовщины. По селамъ и

деревнямъ появились келейники и келейницы, появились мормоны, «сѣрые» и «бѣлые голуби» и т. д.

— Конечно, всѣ эти келейники и келейницы, прыгуны, скакуны, скопцы,—все это болѣзненныя и даже, можно сказать, патологическія явленія,—продолжалъ Хрущовъ.— Будь у насъ свобода совѣсти, свобода проповѣди, свобода слова и печати,—во всѣхъ этихъ явленіяхъ можно было бы легко разобраться, все освѣтить, все выяснить. Теперь же все скрыто, все таится, все прячется. И все подернуто дымкой заманчивой таинственности, разжигающей любопытство. Удивляться ли послѣ этого, что хлыстовщина растетъ не по днямъ, а по часамъ

— «Если у насъ не будетъ свободы совѣсти,—не маргариновой, а подлинной, настоящей свободы совѣсти— Россія загніетъ... Миссіонеры и синодъ ведутъ Россію къ гибели...»

Съ другой стороны, миссіонеры и чиновники, не понимая значенія и смысла сектантства,—особенно мистическаго сектантства,—не желая вникнуть въ тѣ сложныя причины и стимулы, которые двигаютъ этихъ людей, увлекая ихъ въ туманную область мистицизма,—ведутъ противъ нихъ постоянную, ожесточенную борьбу исключительно путемъ репрессій. Они гонятъ этихъ людей, предаютъ анаѳемѣ, всячески преслѣдуютъ и стѣсняютъ, ссылаютъ, гноятъ въ тюрьмахъ. Но въ глазахъ народной массы эти люди являются страдальцами за вѣру, ихъ окружаетъ ореолъ мученичества, дѣйствующій всегда подкупающимъ, обаятельнымъ образомъ на общество. Особенно нашъ народъ чутокъ къ преслѣдованіямъ въ дѣлѣ религіи. Не даромъ у насъ издавна сложилась въ народѣ поговорка: «Не та вѣра правая, которая гонитъ, а та вѣра правая, которую гонятъ».

Благодаря церковно-государственной политикѣ, среди сектантовъ, несмотря на ихъ миролюбіе и долготерпѣніе, все больше и больше наростаетъ чувство недовольства и озлобленія противъ духовенства, противъ синода, противъ

господствующей церкви. И теперь все чаще и чаще можно слышать въ народѣ заявленія, въ которыхъ звучитъ уже явная угроза по адресу священниковъ и миссіонеровъ.

«Освободились отъ пановъ, освободимся и отъ поповъ»,—говорятъ въ твердой увѣренности крестьяне.

Бурные годы революціоннаго подъема—1904—1906,—разумѣется, еще болѣе углубили и обострили эти настроенія. Въ частности и для хлыстовщины эти годы не могли, конечно, пройти безслѣдно; и, дѣйствительно, какъ мы увидимъ дальше, они внесли немало новыхъ идей, новыхъ настроеній въ психику послѣдователей и стараго, и новаго Израиля. Но о хлыстовщинѣ послѣднихъ лѣтъ и о томъ эволюціонномъ процессѣ, который она пережила за послѣднее время, мы будемъ подробно говорить въ слѣдующемъ, второмъ выпускѣ нашей работы.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Вступленіе 7

I. Русскіе мормоны 15

II. Хлысты въ изображеніи Д. С. Мережковскаго 21

III. «Противонравственныя и гнусныя дѣйствія» 33

IV «Духовные». 41

V. «Клятвенное отреченіе» 53

VI. Интеллигентный хлыстъ 65

VII Радѣнія 73

VIII. Борьба съ плотью 81

IX. «Живые боги». 89

X Бунтъ противъ природы 101

XI. Волны мистицизма поднимаются 111

XII. Отчего растетъ хлыстовщина? 121